

МАВОЧКИ И ДЕЛЬЧИКИ № 44

Детский литературный интернет-журнал

04.05.11

<http://stichi.ru/avtor/mavdel><http://proza.ru/avtor/mavdel>

БОЛЬШОЕ СПАСИБО ЗА ЧИСЛЕННЫЕ НАСЛЕЖИЕ

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК СПОНСОРОВ - НА СТРАНИЦАХ:

<http://stihi.ru/2011/05/02/5357><http://proza.ru/2011/05/02/1007>

Дорогие дети, а многие ли из вас знают, что была война?

Ведь это часть нашей истории.

Нужно было быть очень сильным народом,
иметь стальной характер и безграничную любовь к Родине,
чтобы выстоять и побороть несметные силы врага.

Долгие четыре года солдаты шли к победе.

В ожесточенных боях истекая кровью и умирая, приближали
счастливый миг Победы. И вот наступил долгожданный май 1945 года.
Вся страна отмечала 9 мая – день великой ПОБЕДЫ над фашистской
Германией. Народ ликовал. Знакомые и незнакомые люди обнимали
друг друга, дарили друг другу цветы, пели и танцевали прямо на
улице. Казалось, что впервые за много дней взрослые и дети
радовались весне и наслаждались жизнью. Люди были счастливы, но с
горечью вспоминали тех, кого потеряли.

Всех героев не назвать, но их помнят. В их честь называют школы,
улицы, площади. В их честь зажигают вечный огонь. Пусть он никогда
не погаснет и пусть никогда не завянут цветы у подножия памятников!
Все дальше уходит от нас 9 мая 1945 года, но мы по-прежнему помним,
какой ценой достался нашим дедам тот день и каждый год отмечаем
этот прекрасный и трагичный праздник.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ВСЕХ С НАСТУПАЮЩИМ ДНЕМ ПОБЕДЫ!

В вечернем небе из комет
Взорвался огненный букет.
И дружно с каждого двора
Несётся громкое: «ура!»

Александр Анайкин

Рисунок «Через тернии к победе» Татьяны Селивановой, 13 лет

НАШИМ * ЧИТАТЕЛЯМ
И * АВТОРАМ!

Благодарим вас за сказки, загадки, стихи и рассказы для детей, за фото и детские рисунки, предложения помощи и отзывы, которые вы присылаете, за подписку на журнал. Ежедневно мы получаем от вас большое количество материалов для публикации и надеемся, что наше

общение с аудиторией будет только расширяться. Если вы сами пишете для детей и хотите, чтобы вас читали ваши дети, присылайте свои произведения по адресу: mavdel@mail.ru . Лучшие будут опубликованы.

Редакция оставляет за собой право на использование присланных материалов с максимальной их адаптацией к формату и специфике журнала

Для авторов подготовлены красочные наградные дипломы трех степеней: за публикацию трех, десяти и тридцати произведений. Чтобы подписаться на журнал, достаточно выслать письмо с просьбой о подписке по этому же адресу (mavdel@mail.ru). Просим вашей помощи в нахождении адресов электронной почты детских домов, приютов, школ-интернатов и прочих учреждений для неимущих детей, инвалидов и сирот, чтобы мы могли предложить им стать нашими читателями.

ВНИМАНИЕ, ЧИТАТЕЛИ!

С редакцией журнала сотрудничает детский психолог. Желающие проконсультироваться обратятся к Ирине по адресу irin.vsh@yandex.ru

Заповеднику сказок исполнилось 5 лет, и самые активные сказочники под предводительством смотрителя заповедника решили сделать юбилейный сборник - собрать самые замечательные сказки в один сборник сказок.

Желающие подписаться на сборник обратятся по ссылке: <http://dalmar.livejournal.com/170542.html>

Тут же особо отмечаем, что без обратной связи нам будет очень трудно отражать интересы своих читателей. Поэтому просим: продолжайте высылать ваши предложения, пожелания и замечания на вышеуказанный адрес.

Хочется надеяться, что журнал «Мавочки и Дельчики» понравится вам, и наши старания не пропадут даром.

Всем удачи, радости, больше улыбок, хорошего настроения и приятного чтения!

Редколлегия журнала

Из отзывов читателей:

Спасибо за такой весенний весёлый журнал!!!
На фоне не очень радостной весны он, как солнечный лучик: греет,
радует, веселит.
Доброй весны и вдохновения всем авторам, пишущим для детворы!!!
С теплом,
Татьяна Лаврова

Журнал получила - большое спасибо. Очень понравился.
Из-за болезни немного выпала из жизни, но всё будет опять хорошо. Я
поздравляю вас и всех, кто делает замечательный журнал, с весной и
всем желаю здоровья и весеннего настроения.
С благодарностью
Валентина Крец

Поздравляю вас, редакцию, с праздником Победы!
Желаю всяческих успехов
Любовь Розенфельд

Спасибо, Григорий.
Журнал, как всегда, интересен.
С уважением,
Галина Ильина

Спасибо! Всегда с интересом ждём очередного выпуска журнала
«МАвочки и ДЕльчики». А последний номер оказался для меня ещё и
приятным сюрпризом – в нём напечатан мой рассказ.
Желаю весеннего настроения и дальнейшего процветания редакции
журнала.
С уважением,
Ольга Шеховцова

Здравствуйте, Илана и Григорий!
Спасибо большое за журналы. Они все красочные и интересные.
Каждый читатель найдёт в нём произведение на свой вкус. Стихи,

рассказы, сказки, загадки подобраны вами так, что должны нравиться маленьким читателям и их родителям – всё, без каких-либо исключений. Я прочитываю всё, что предлагает журнал читателям, и рекомендую его своим знакомым. Спасибо вам, что мои стихи тоже печатаются в вашем журнале.

Хочу вам предложить ещё стихи. Может быть, понравятся.

С уважением к вам,
Расулова Ирина

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Наталья Майданик

Сяду к деду на колени, тихо прошепчу:
- О войне твои рассказы слушать я хочу
Ты поведай всё, как было – всё желаю знать.
Я не буду ни вертеться, ни перебивать!

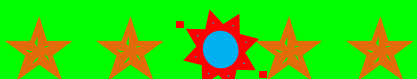
Я хочу про то послушать, как ты воевал,
Как в бою таком далёком знамя ты спасал!
Про друзей своих военных, деда, расскажи
И в альбоме пожелтевшем фото покажи!

Улыбнулся внуку деда и к груди прижал:
- Расскажу про всё, конечно, раз уж обещал!
Как войну мы пережили, как на смерть мы шли,
Сколько вёрст исколесили, ползали в пыли!

Как врага с боями гнали мы с родной земли
И не пяди не отдали - выжили, смогли!
А теперь вот День Победы празднуем с тобой,
Встанем в праздничной колонне по команде: «В строй!»

Корректурa редакции

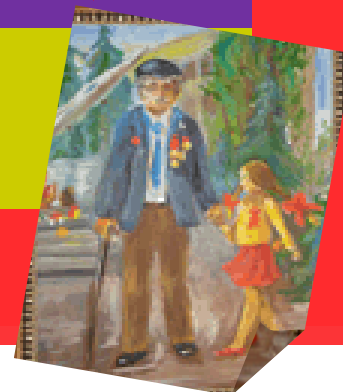
Рисунок из интернета

ДЕДУШКИН РАССКАЗ

Андрей Парошин

Вчера мне рассказывал дедушка Женя:
Отряд партизанский попал в окруженье.

Осталось у них восемнадцать гранат,
Один пистолет и один автомат.

Всё больше в отряде погибших бойцов,
Всё крепче фашисты сжимали кольцо, —
Они — за кустами, они — за камнями,
И крикнул мой дедушка: «Родина с нами!».

Вот все побежали навстречу врагу
И стали гранаты бросать на бегу.
Отважно сражались, о страхе забыв,
И нам удалось совершить там прорыв.

Сквозь лес по болоту они уходили.
А деда медалью потом наградили.

Рисунок Янышиной Марины, 9 лет - Мой дедушка - защитник Москвы!

ВОРОВКА

Валентина Кужелева

Шёл второй год после войны. Училась я тогда в первом классе женской школы. В то время все жили бедно, но ученицы ходили в школу в форме: тёмные платья, сшитые из дешёвых тканей или переделанные из маминых нарядов, с белыми воротниками и манжетами. Поверх форменного платья надевались сатиновые чёрные фартуки. Без формы, в сереньком выцветшем платье, ходила только Соня. Учительница наша Екатерина Ивановна, будто не замечала этого. Портфели, с которыми мы ходили в школу, были с карманчиками, куда родители клали нам нехитрый завтрак: кусочек хлеба, сухари или что-нибудь из овощей. На перемене после второго урока мы доставали свои запасы и торопились их съесть. Самыми вкусными были завтраки у Милы. Нередко она приносила в класс яблоки, обтирала их чистеньким платочком и, не торопясь, съедала всем на зависть. С каким-то злорадством оглядывала она бедную Соню, которая ничего не приносила из дома и смотрела на неё голодными глазами. Однажды Мила принесла большой кусок белого хлеба с маслом и не смогла одолеть его за перемену. И когда прозвенел звонок, сунула недоеденный кусок в парту. На одной из перемен она вдруг обнаружила, что хлеб исчез. Красная от возмущения, Мила тут же набросилась на Соню, стоявшую у окна.

— Это ты своровала мой хлеб? Говори! Ты украла? Воровка! — кричала она на весь класс. Мы тут же обступили их и тоже вместе с Милой стали стыдить Соню, которая вся съёжилась, как от холода, и дрожала.

— Бессовестная! Воровка! Мы всё расскажем учительнице. Будет тебе от Екатерины Ивановны!

Не знаю, почему, но мне и всем девочкам хотелось, чтобы Соне попало. Какое-то злое любопытство раздражало нас: как поступит наша учительница...

— Это она съела. Кроме неё — некому — голодная! — продолжала наступать Мила, тыкая плачущую Соню пальцем в грудь.

Мы так возмутились, что не слышали, как в класс вошла Екатерина Ивановна. Она усадила нас и строго спросила: «В чём дело? Почему вы так все кричите?»

Нетерпеливо потрясая рукой, из-за парты выскочила Мила: «Соня у меня хлеб своровала».

— Ты видела? — спросила учительница.

— Нет, — замаялась Мила. — Она завтраки не носит...

— Если не видела — не имеешь права обвинять человека в воровстве, — оборвала её Екатерина Ивановна.

— Соня, подойди, пожалуйста, ко мне, — позвала она ученицу.

Сжавшись, как от боли и понурив голову, несчастная девочка приблизилась к учительнице.

— Скажи нам, Соня, ты съела чужой хлеб? — спросила Екатерина Ивановна, слегка прижав её к себе.

— Она, она! — закричали мы с места.

— А вот вас-то я и не спрашиваю, — резко одёрнула она нас.

— Ты, наверно, кушать хотела?

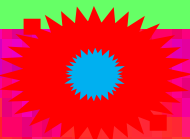
Воровка кивнула головой и заплакала, всхлипывая и содрогаясь всем телом.

— Успокойся, Соня, — сказала Екатерина Ивановна. — Я понимаю, что тебе очень хотелось есть, но чужое брать без спросу нельзя. Не будешь больше так делать?

Девочка отрицательно покачала головой, утирая рукавом мокрый нос.

— Надо было попросить, — продолжала учительница. — Очень жаль, что в классе не нашлось ни одного человека, который бы тебя угостил!

Она укоризненно посмотрела на Милу, на всех нас... Но мне казалось, что она смотрит только на меня. Было очень стыдно за себя и за девочек. Покрасневшая от смущения, Мила виновато промямлила: «Попросила — я бы дала ей».

Екатерина Ивановна достала из сумки сухарик и протянула его Соне. И та, поблагодарив, сунула его в карман.

— Почему ты не ешь? — удивилась она.

— Я - для сестрёнки... маленькая дома у нас.

— Ешь, для неё я дам ещё.

И тут всем стало жалко Соню и её маленькую сестрёнку. Девочки стали доставать из кармашков остатки своих запасов и совать в руки Соне.

— Бери, бери, мне не жалко.

И каждой хотелось, чтобы её заметила учительница. Мне было очень жаль, что в моём кармашке ничего не осталось. Но когда мы уходили из школы, я подошла к Соне и сказала:

— Я буду приносить тебе хлеб каждый день.

МЫ - ОФИЦЕРЫ

Сергей Сухонин

Мы втроём шагаем в поле,
Где мой прадед в битве пал.
Был тогда он просто Колей,
Танки немцев подбивал.

Мне глазёнки щиплют слёзы.
Папа: «Хватит! Воин ты!»
На груди у деда - звезды,
На груди отца - кресты.

С ними - я, ненаграждённый
И медалькою одной,
Но и я - в военной форме,
Я - суворовец лихой.

Я - как прадед, тоже Коля,
И за Родину свою,
Если будет Божья воля,
Жизнь пожертвую в бою!

У ограды в день Победы
Вспоминали мы втроём:
Дед - отца, отец мой - деда,
Я - о тёзке, о своём.

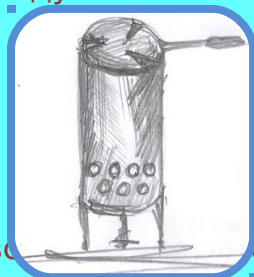
Рисунок Гранкина Юля, 7 лет - Воспоминание

ПЕЧУРКА

Любовь Розенфельд

Моё раннее детство пришлось на тяжёлые годы. Война... Какие игрушки?! Мы были в эвакуации на Урале, там мама сначала была председателем колхоза, потом работала в кинематографе. В колхозе шили шинели, мастерили гончарные изделия вручную. Мама объезжала территорию на лошади. Она была маленького роста и была вынуждена подходить с лошадью к забору. С помощью этой опоры на взбиралась на коня...

Я хорошо помню, как мама упрекала меня и бабушку за то, что мы бьём горшки, бабушка роняла глиняные горшки, и те разбивались, а у меня ломались маленькие глечики (кувшинчики), которые один из колхозников специально делал для детей. А ещё мне кто-то смастерил печурку. Я очень любила её. Даже привезла с собой в Киев, когда город освободили, и маму вызвали на работу в Радиокomiteт. Это был цилиндр на трёх приваренных снизу ножках («курьи ножки»), сверху, справа - ручка, гладкая деревянная держалка, внизу цилиндра были специально проделаны дырочки для тяги, а закрывалась печурка тремя аккуратными железками-завесами. Можно было бросать в печурку «дрова»: палочки, щепки, спички, всё это поджигалось, сверху я ставила, как сейчас помню, роскошную медную сковороду, тоже с деревянной держалкой. Очень хорошо помню, как удивительно было, когда бабушка дала мне кусочек теста для вареников. Я завернула в это тесно конфету-подушечку, начиненную повидлом, затем положила это изделие на свою сковороду.

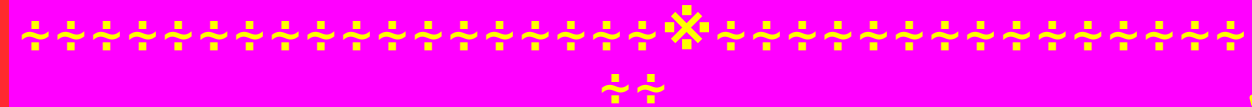

Огонь в печурке гудел, и вот пирожок зарумянился. Как только он остыл, я съела его - это было поразительно и неожиданно вкусно. Сама испекла на игрушечной маленькой печурке пирожок с повидлом! Да, я привезла с собой в Киев любимую игрушку и самодельную брошку из материала, похожего на мрамор, с нарисованным сверху масляными красками жёлтеньким цветочком...

А потом мама уговорила меня отдать печурку кому-то из младших детишек: ты, мол, уже школьница. Мне было жалко, но я отдала. А не забыла...

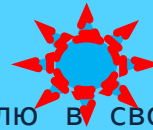

Рисунок автора

ВОЛШЕБНАЯ КОСА...

Верона Шумилова

Ночь, как и день, всегда приходит на землю в своё время. Она медленно, шаг за шагом, продвигается, цепляясь за горы, по большой планете и, метр за метром покрывая на своём пути поля, леса, моря и города, приговаривает:

«Отдыхайте, люди добрые, уставшие и не уставшие! Отдыхайте, рыбки, птички и разные зверюшки! И ты отдыхай, щедрая земляца, набирайся сил да радуй людей обильным урожаем!»

И отдыхали люди и земля, леса и горы, птицы и звери.

А высоко над землей, в куполе неба, протекала своя жизнь: на тёмно-синем просторе, от края до края, уже высыпали звезды, яркие, как огоньки. Их было множество, и казалось, что небесный волшебник-чародей достал из огромного мешка эти сверкающие игрушки и рассыпал их - где кучно, а где поодиночке. Так и горели они в своей мерцающей холодной синеве.

А ниже этой звездной красоты сверкал позолотой гордый месяц. Подняв кверху острые рожки, он примостился на самом краю серого кудрявого облачка, которое, надув круглые щёчки, плыло и плыло в безбрежном океане. Месяцу было удобно кататься на таком красивом серебряном парусе; он с любопытством взирал вниз, рассматривал маленькую с пятак землю, где одни - в добре, а другие - во зле - жили люди. Он много знал о них, ибо каждый день своим волшебным лучиком проникал в их жилища через открытые окна, двери, форточки и всё слышал, и всё видел.

Сегодня, когда ночь окутала часть земли, и много сёл и городов уже спало, его лучик проник в окно на пятом этаже большого дома, остановился у детской кровати и услышал разговор малыша с отцом. Прикрытая голубой салфеткой тускло горела настольная лампа.

Глаза мальчика были удивлённо распахнуты.

- Папа! Папочка! - просил он, теребя своей пухлой ручонкой сильную мужскую руку. - Расскажи мне снова сказку о такой страшной войне, которая убивала мальчиков и девочек! Ну которая убивала всех людей и даже города убивала...

- Я же тебе рассказывал такую сказку. И не раз.

- Но я хочу её еще услышать, - глаза мальчика повлажнели.

Низко над детской кроватью наклонилась кудрявая с проседью голова отца.

- Платоша! Я тебе другую сказку расскажу. О той жестокой войне не

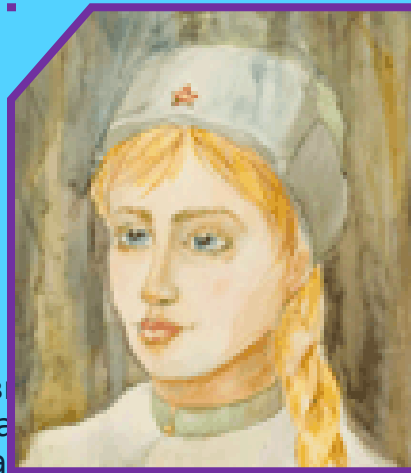

надо...

- Не другую, а эту-у-у! - настойчиво требовал мальчик. - Про Алёнку, про сильную сказочную страну, которая разбила много врагов.

Глаза Платоши, устремлённые на отца, умоляли.

- Ладно, - ответил с грустью отец. - Расскажу тебе сказку об Алёнке. Слушай ещё раз.

Тихо скрипнула, слово Мальчик повернулся на синели незабудки, и за

вздых, детская кровать. на одеяльце, на котором

- Та страна, сынок, была великой и сильной. Люди её жили в мире, славно трудились: сеяли и убирали хлеб, растили детей, учили их уму-разуму. А ещё строили дороги, школы, дворцы, мосты, дома для людей.

- А наш красивый дом они тоже строили?

- Да, наш дом - тоже и другие дома.

- И детский садик, в который я хожу?

- И детский садик, и школу, что в нашем дворе, и больницу.

- Хорошие были люди. Да, папа?

- Очень хорошие, сынок. Очень хорошие. Они хотели свою сильную страну сделать ещё сильнее и богаче. И сделали бы, но однажды, когда уставшие люди после работы отдыхали, а на краю неба, где всегда всходит солнышко, заголубел рассвет, коварные и жестокие злодеи, у которых было множество танков, самолётов, орудий, напали на мирную страну. Они шли чёрной несметной тучей и уничтожали на своем пути всё, что им попадалось: людей, животных, города, сёла, школы, мосты. Горела земля, полыхали дома и хлеба, рекой лилась кровь.

- Папа. А зачем злодеев пропустили через границу? Там же были храбрые солдаты в зелёных фуражках. И собаки были. Умные и очень злые для врагов.

- Никто их не пускал. Враг пришёл с грозным оружием. Силой и жестокостью они творили чёрное дело.

Платоша волновался:

- А где же был защитник-волшебник? Он всегда помогает добрым людям, а злых и всех врагов наказывает.

- Тогда злодеи волшебника тайно похитили. Да и великая страна не надеялась на чудо. Сама поднялась во весь свой богатырский рост и стеной пошла на врага.

- А Алёнка? - взметнулись на отца чёрные, как ночь, глазёнки.

- А она только собиралась на войну. Её мама укладывала в чемодан вещи и плакала: боялась отпустить на войну юную дочь.

- Ты, доченька, такая молодая. В шестнадцать лет надо сидеть дома и расти. - И заголосила. - Тебя могут убить... Тебя могут ранить... Это же война!

- Материнские слёзы градом катились по её бледным щекам.

- Не убьют, мамочка. Злодеев я не боюсь. Остриги мне, пожалуйста, косу, - вдруг попросила дочка, перекинув на грудь толстую светло-золотистую косу. - Мешать будет.

- Нельзя, Алёнушка! - заволновалась мама. - Она у тебя волшебная, ты же знаешь. Коса будет защищать в бою твою жизнь.

- В школе нас учили оказывать пострадавшим первую медицинскую помощь, и я буду спасать раненых. И моя волшебная коса обязательно поможет.

- С Богом! - только и промолвила горем убитая мать и перекрестила юную дочь, благословляя её в далёкую и опасную дорогу. - Буду молиться за тебя и ждать.

Пока девушка ехала в поезде на фронт, храбрые воины героически защищали свою великую страну. Многие гибли, и политая их кровью земля доставалась врагу.

- Что же Алёнка? - вновь зазвенел взволнованный голос Платоши. - Она бы... она бы всех спасла.

Мальчик готов был расплакаться.

- Она, сынок, спешила. И без неё злодеев крепко били.

- Так их! Так их! - молотил кулачками воздух увлечённый Платоша. - Злодеев всегда надо наказывать. Да, пап?

- Да, мой родной, да! Их и наказали, но потом. А пока шла жестокая схватка: кто кого?

- Добрые люди всегда победят злых.

- Победят-то победят, но сколько злодеи наделают на земле зла!

- Что же, папа, дальше было?

- А дальше? - задумался на мгновение отец. - Дальше продолжалась кровавая и жестокая война, какой раньше никогда не знали люди. Платоша зашевелился, поправил одеяльце и снова замер.

- Однажды среди огня, среди свиста осколков и пуль появилась на поле боя Алёнка с тяжёлой сумкой через плечо. На сумке был красный крест. Глаза её - синие-синие, словно два василька в двух озерцах, сама тоненькая, а коса... Коса - ниже пояса, почти до самой земли доставала.

- Пап, я знаю, я помню. Эта коса была волшебной, - опередил отца малыш.

- Да, Платоша, да! Эта коса была истинно волшебной: она защищала Алёнку от пуль, осколков, оберегала её жизнь.

- А ещё?

- А ещё её длинные волосы сослужили для людей доброе дело. Под шквальным огнём Алёнка находила раненых, а их, сынок, было много-премного, вырывала из своей косы золотистый волосок и зашивала им раны, глубокие и неглубокие, связывала раздробленные косточки. Волосок за волоском вырывала она и спасала людей. Раны тут же заживали, и бойцы вступали в бой с врагом.

Платоша ликовал, хлопая в ладоши:

- Ай-да Алёнка! Хорошая она! Прямо замечательная! - и вдруг он заплакал.

- Ну что за слёзы? - папа подал сыну платочек. - Негоже мужчинам плакать!

- Ей же больно дёргать из головы столько волосиков!

- Раненым было ещё больше. Они нуждались в спасении, чтобы возвратиться в строй и быстрее одолеть вражью силу. Алёнка - храбрая, боли не боялась, а её волосы были крепче самой крепкой нитки. Но дело-то в том, что с каждым вырванным волоском она теряла силы. Девушка знала об этом.

- Зачем же она это делала?

- Зачем, зачем? - отец подавил вздох, думая, как сыну ответить на этот вопрос. Взглянул на его: покрытые влагой детские глаза, ждущие, не мигая, ответа.

Помолчал немного, посмотрел в окно: в небе торчал яркий тоненький месяц, похожий на корку лимонной дольки.

- Папа! Ну, рассказывай! - дёргал отца за руку мальчик.

И отец продолжил:

- Для Алёнки важнее всего было разбить и изгнать врага с своей земли. Была она отважной, бесстрашной. Любила песни и часто сама их пела среди дыма и огня. Идёт по полю, где рвутся снаряды, и поёт, поднимая у бойцов дух и веру в победу. А её уже многие знали в лицо. Услышав голос девушки, воины шли на врага и громили его.

- Молодец, Алёнка! Молодец!

- Много раненых спасла она, вырывая волосок за волоском из своей головы и зашивая их раны, и тело её слабело и слабело.

Однажды под вечер была освобождена одна небольшая деревушка. Она вся горела. На крыше крайней избы, которую уже лизали языки пламени, металась серая кошка с малышом в зубах.

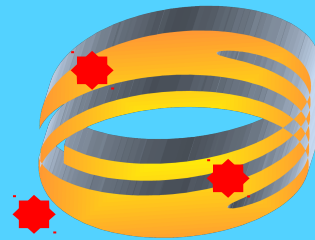
- Смотрите! Смотрите! - взволнованно воскликнула Алёнка, указывая на пылающую избу. - Там кошка с котёнком! Их надо спасти!

- Как спасти? - удивился уставший боец с кровоподтёком на лбу. - Огонь не пустит. Вон как пылает. Нельзя туда соваться!

- Да, - поддержал его пожилой боец. - Уже не успеть. Алёнка умоляла:

- Они же погибнут! Сгорят живьём! Тащите лестницу! Быстрее!
Кто-то побежал за лестницей, а Алёнка спешно завязывала на голове свою изрядно поредевшую косу, чтобы та не сгорела в огне. Она напрочь забыла, что завязанная коса теряет своё волшебство. Как в бой, рванулась она в огонь. К избушке уже приставили лестницу.
- Вот храбрая! Молодец, Алёнка! Молодец! - захлёбывался от восторга Платоша. - Не бойся! Ты ведь сильная!
Спрыгнула девушка с лесенки с кошкой и котёнком в руках, прижала их к груди и побежала от пылающей избы. Она была счастлива. Убегая подалее от зловещего огня, вдруг запела звонко, и её чарующий голос разносился по васильковому полю, удивляя всё живое вокруг. Внезапно на глазах у всех девушка на всем ходу споткнулась и, раскинув руки, тут же рухнула в густую некошеную траву. Со всех сторон к ней бежали бойцы.
Никто сразу не понял, что же случилось с их любимой сестричкой. На лбу у неё дымилась ранка, откуда вытекала кровь. Возле её руки, прижавшись друг к другу, сидели спасённые ею кошка с малышом. Они были живы. Спасая их, Алёнка сама погибла.

Платоша, прикрыв ручонками глаза, плакал.
- Не плачь, сыночек! Девушка сделала много добра для людей и для своей страны, которую очень любила. О ней помнят многие и многие.
- Зачем? Зачем она подняла свою волшебную косу? - рыдал мальчик. - Жила бы и жила...
- О себе она не думала. Хотела уберечь косу от огня, чтобы потом каждым своим волоском зашивать раны и спасать людей. А ран было ещё много. Ох, как много! Хоронили героиню на следующий день. Плакали все. Даже небо в тот день обильно сыпало на землю крупные дождинки.
- Я хочу, папочка, - всё ещё шмыгал носом Платоша. - Хочу, чтобы Алёнка жила. Она хорошая...
- И я этого хотел бы, но войны без потерь не бывает.
- Ненавижу войну! Ненавижу злодеев! - сжимая кулачки, неожиданно закричал мальчик. - Я вот вырасту, буду сильным и храбрым и войну убью. Убью её из автомата.
- Хорошо, сынок. Ты расстреляешь войну, чтобы её никогда больше не было на белом свете. Расти только здоровым!
- Да, папа. Тогда все люди будут жить. Все, все!
- Хороши твои слова, Платоша! Война - это очень плохо. Её и злодеев тогда разбила великая страна. Прогнала их и наказала. Люди стали залечивать свои раны, опять строили дома, мосты, школы, детские

ясли, больницы. Пахали и сеяли, собирали урожай, растили детей. А война – в истории она. Ты, сынок, расти хорошим, готовь себя к тому, чтобы в жизни делать только добрые дела.

- Как Алёнка? Да, пап?

- Да, как Алёнка и многие другие. Тогда добрые люди будут побеждать зло. Оно всегда будет наказано, во все времена, во все годы.

- Я знаю, папа! Я никогда не буду... не буду делать никому зла, - сквозь сон промолвил Платоша, и его чёрные, как ночь, глазёнки закрылись.

Рогатый месяц опустился в окне еще ниже. Он тоже выслушал с самого начала и до конца сказку о великой стране и о подвиге Аленки.

Прикрыв сына легким одеяльцем, папа подошел к распахнутому окну. Там чернела спокойная мирная ночь, а уставшие люди отдыхали.

Отдыхала и земля, на которой когда-то шла жестокая война и на которой, совершив свой подвиг, погибла Аленка.

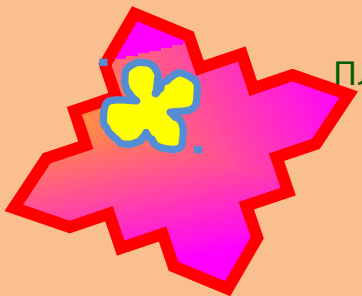
Бадаева Инна , 14 лет - Связистка Маша

МЕЧТА ВНУКА

Дмитрий Толстой

На трибуне – первый ряд –
С дедом я смотрю парад.
Ветераны – рядом с нами.
Все – седые, с орденами.

Площадь Красная – в знамёнах,
А по ней идут в колоннах
Лётчики, артиллеристы,
Моряки, парашютисты;

Вот и танки, и машины,
Ряд ракет я видел длинный,
Что летают на Луну.
Мне б такую, хоть одну!

Я бы в кресло быстро сел –
В космос к папе улетел.

ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ

Владимир Кожушнер

*Мой деда – самый добрый и рассмешит он всех
Такой вот он могучий и очень любит смех.*

*Его все дети любят, и любит он детей,
Для них он сказки пишет, бегите все скорей.*

*Он мастер на все руки и лучший из людей!
Живи, мой деда, долго! Живи! Всю жизнь балдей!*

Алиса, 11 лет

- Папа, нам задали написать сочинение, - прямо с порога заявила Алиса.
- Вот и пиши.

- Так нужно написать о том, как жили бабушка и дедушка, когда были маленькими, - дочь бросила разукрашенный стильный школьный рюкзак на диван и плюхнулась рядом с ним. - А я не знаю.

Отец внимательно посмотрел на дочь. О чём ей рассказать? Он слышал от родителей, какое трудное было у них детство - они пережили войну в оккупации! И вот сейчас его дочь интересуется событиями тех времен.

Алиса заметила, как изменилось папино лицо. Весёлый, шумный, жизнерадостный - он вдруг стал серьёзным и задумчивым.

- Пася, ты, почему молчишь? Так ты что, не знаешь? А как же моё сочинение?

- Думаю.

И тут он вспомнил про письма, которые присылал отец.

- Буратино, посмотри на книжной полке дедушкины письма. В одном из них он писал, как жил в оккупации. Прочти, оно поможет написать сочинение.

При слове «дедушка», Алиса вскочила с дивана и стала искать письма. Она деда очень любит. Он - такой весёлый, добрый, ласковый! Она до сих пор помнит, как он рассказывал сказки, пока не переехал в Израиль. Но о том, как жил, когда был маленьким - он не вспоминал.

И вот сейчас она узнает - узнает его тайну!

Как семейную реликвию Алиса держала в руках дедушкино письмо. Отпечатанный на пишущей машинке лист бумаги уже слегка пожелтел. «22 июля 1941 года. Война грянула внезапно. Отца, деда и дядьку - короче, всех мужчин сразу призвали в армию...», - прочитала Алиса.

- Папуля, посмотри, сколько у меня родственников! И все они воевали?

- Да, но многие не вернулись с войны, погибли, защищая Родину.

- Жалко. А почему маленькому дедушке пришлось бежать из родного города?

Отец взял из рук дочери письмо:

«Беженцы шли сплошным потоком. Почти весь путь от Одессы до Николаева я прошёл пешком, держась за маму, на руках у которой был мой младший брат. Иногда нас сажали на попутную телегу. Помню ноги

лошадей, людей. Яркие звёзды на небе... Гул, рёв, взрывы бомб, снарядов... Всё в памяти перемешалось...»

Может впервые в жизни, сын серьёзно задумался. Бедный отец. Ему было всего 4 года. Прошагать пешком сто двадцать километров по пыльной дороге, по камням, по колючкам - это почище, чем марш-бросок в армии!

- Понимаешь, все боялись войны. Да и сейчас люди боятся и бегут подальше от мест, где стреляют. Ты же смотришь телевизор? Сколько лагерей беженцев! Только дальше Николаева они не смогли убежать - кругом уже были немцы.

- А где же дедушка жил?

- Дедушка жил в подвальном помещении, его там прятали, потому что боялись. Чтобы фашисты не нашли и не расстреляли.

- Знаю, нам в школе рассказывали об их зверствах, - Алиса прижалась к отцу.

- Читай дальше.

- Тогда слушай и не перебивай:

«Комната была в ужасном состоянии. Точнее не комната, а заброшенная кладовка под зданием жилого дома: на стенах - плесень, окно у самой земли. Ни света, ни вентиляции, ни воды, ни туалета - ничего.

Помню, занавешенное тряпками окно, полумрак в комнате. Две солдатские койки. На одной - мы с братом, на другой - мама. В углу - помойное ведро. По стенам ползают мокрицы. На полу - тараканы, в кровати - клопы, на нас - тряпье и вши. Спали одетыми. Часто мочились в постели, а сушить нашу одежду на улице мать боялась, чтобы не узнали, что у неё есть дети и не выдали немцам...»

- Папа, а что такое мокрицы и клопы?

- Да кто знает. Гадость какая-то.

- И что, они всю войну там пробыли и не гуляли? - девочка не верила своим ушам.

- Представь себе, все время пробыть в комнате и не выйти на улицу?! Да ты, коза, только пришла со школы и сразу бежишь к подружкам.

- Бедный дедушка! А чем они занимались? Какие у них были игрушки? - пропустив замечания отца, спросила Алиса.

- Никаких. Послушай, что он пишет:

«Не было ни одной игрушки. Одно занятие - сосредоточено колупать стены. За что тоже доставалось от мамы...»

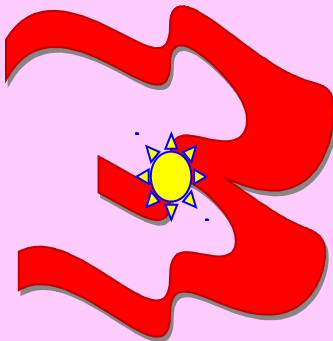
На минуту в комнате воцарилась тишина.

- Папа, ты почему замолчал?

- Вспомнил, какие у меня были игрушки – конструктор, пластмассовые самолёты, танки, машинки... И какие сейчас у тебя игрушки! Да так много, что каждый год по мешку выносим на мусорку! А одежды?! Всех девчонок в классе можно одеть! – отец крепко прижал к себе дочь. – Эх, Буратино! Не ценишь ты этого, не бережёшь. А где-то сейчас дети так в этом нуждаются!

Снова наступила тишина. Каждый думал о своем. Через некоторое время отец продолжил, и Больше Алиса его не перебивала. Она внимательно слушала, и перед её глазами проплывали безрадостные картины дедушкиного детства.

«Помню, как мама принесла шкурки от картошки, которые выпросила в немецкой столовой, и пожарила их на дурно пахнущем жире (комбижир). Они были горькими, но мы ели. Что такое сахар, конфеты мы не знали. Всем было тяжело. Все голодали...»

Алиса переживала. Ей хотелось плакать.

Уже в конце письма дед написал, сколько радости испытал, когда впервые вышел на улицу и увидел советских воинов:

«Потом был праздник. Колонна наших танков двигалась по улице. Мы вылезли из подвала и широко раскрытыми глазами смотрели на это зрелище.

Все кричали: «Ура!» и бегали, пытаясь пожать руки солдатам.

Брат хотел перебежать дорогу, но упал и чуть не попал под танк. Но всё обошлось. Он даже не задел мальчика. Ведь по сравнению с ним тот был – как воробей: одна кожа да кости...»

Но больше всего радовалась Алиса тому, что дедушкин отец вернулся живым, весь – в орденах и медалях! Он пошил детям костюмы из офицерского сукна и подарил настоящий компас и полевой бинокль.

Сколько у них было радости! Это были их первые игрушки!

- Алиса, скоро День Победы. Поздравишь дедушку? - спросил папа, закончив читать письмо.

- Обязательно поздравлю! Я ему посвящу свои стихи! - мечтательно ответила внучка.

Рисунок Парковой Лизы, 7 лет – «День Победы»

СЕРАЯ БУМАЖКА

Зинаида Королева

Прошло пятьдесят восемь лет, а тот январский день 1947 года не забылся. Он как-то всё ярче высвечивается в памяти.

Старшая сестра Нина была в школе, а я с самого утра каталась на ледянке с горы за домом. Мама вечером «обновила» её – облила водой, и за ночь она хорошо обморозилась. Ледянка каталась очень легко, быстро. Скатившись вниз и получив заряд энергии, я уже не замечала тяжесть при подъёме в гору. Морозец был несильным, и при спуске вниз я в своём пальтишке-доноске не успевала замерзнуть, тем более, что при подъёме в гору становилось жарко. Конечно, ледянку не сравнить с коньком, но не каждый мальчишка её имел, а только те, у кого были отцы, или у мальчишек постарше, которые сами их мастерили. Да и страшновато на них кататься, не каждый мог усидеть при спуске, слишком норовистыми они были, как живой необъезженный конь. Делали их из двух досок, соединённых третьей с подпорками, днище облито водой и обморожено. Нас, малявок, и близко к ним не подпускали, даже вверх поднять не доверяли. Она нам казалась коньком-горбунком, на котором можно за одну секунду скатиться с горы. А горы зимой получались высокие: снегу наметало к избам до самых труб, сугробы пересекали улицы большими перекатами. Ребята выбирали самые высокие сугробы. Такие были у дома Бурундуковых. У них на естественном холме гора получалась самая высокая – с крутым спуском на речку под самый мост, а ребята на коньках выскакивали даже на противоположный берег речушки. Мы старались скатываться в другую сторону, где спуск был отложе. Конёк и хранить можно было в сенцах, а ледянку только на морозе.

При очередном под... вшую со двора.
Подумав, что слыш... збучку за это, я

почувствовала всю тяжесть ледянки и необычную усталость. Но странно - мама не ругала, а как-то непривычно позвала: «Доченька!» Подойдя к ней, я увидела в её руках серую бумажку, которую она то прижимала к груди, то как будто пыталась оттолкнуть от себя. Я посмотрела на маму из-под съехавшего на глаза платка - она была очень взволнована и растеряна. Я, в свои неполных шесть лет, смогла понять, что произошло что-то особое, и что мама сейчас ругать меня не будет. Я пыталась отгадать, что же произошло? Если бы приехал папа, которого, сколько себя помнила, мы всегда ждали, то он бы стоял рядом с мамой. А если бы та бумажка, которую мама так странно держала, была письмом от папы, то она радовалась бы, а я точно знала, что она не умела радоваться. Наоборот - чаще всего плакала: и когда бабушка умерла, и когда похоронка пришла на дядю Мишу, а потом - и на дядю Митю, и даже когда стали возвращаться с войны чужие отцы. Тогда мама плакала и причитала:

- Господи, а наш-то где же?! Иль совсем пропал-затерялся? Как же мне двоих одной поднимать?

Так ничего и не отгадав, я вопросительно смотрела на маму, а она опустилась передо мной на колени, прижала к себе и, раскачиваясь из стороны в сторону, шептала:

- Нет нашего папки, нет... Пропал... пропал без вести... Сиротинушки вы мои, как жить-то?

Во время ужина мама сказала дедушке, живущему с нами:

- Не верю я этой бумажке. Поеду в Свердловск, его оттуда брали, там всё и узнаю. Заодно и старый домишко, и лес продам. Да и оставшиеся вещи заберу, а что не нужно - продам. Если Леня не придёт, то каждая копейка золотой покажется. Мамаша обещала всё сохранить.

- Ну-к что же, съезди, съезди, может, что и осталось в целости, - задумчиво произнёс дедушка.

- Папаня, да что ты такое говоришь! В одном же дворе живут свои - и золовка, и мамаша - иль ты забыл? - мама говорила горячо, убеждая не только дедушку, но и себя в своей правоте.

- Я-то помню, а помнят ли они? Сколько писем ты им отослала за эти пять лет? А в ответ хотя бы одно словечко получила? Вот то-то и оно. А ехать-то оно надо, без этого пенсию на девчонок не оформишь, уж пять лет могла бы получать, приди эта бумажка вовремя, - дедушка разговаривал, а сам медленно поглаживал седую окладистую бороду. - И опять же, рассуди так: в сорок втором году извещение прислали на

старый адрес в Свердловск, и попало оно к свекрови твоей. А почему они его не переслали тебе?

– Но почему ты знаешь, что они эту бумагу получили? Они же за тысячу километров от Москвы, может, она затерялась где?

– Чем дальше от фронта, тем размеренней жизнь.

– А может быть, их и в живых-то нет? – мама продолжала защищать родню отца.

– Да ведь там не бомбили и с голоду не могли сгинуть – свояк-то на заводе военном работал, значит, паёк был, да и огород вместе с вашим клочком обрабатывали и на рынке овощи продавали.

– Да разве ж можно земле пустовать в такие тяжёлые годы.

– Так я о том и толкую, что должны быть живы свояки. Во-первых, разберёшься, что к чему. И если решила ехать, то откладывать не резон.

– весной не вырвешься. Иди к Степану Ивановичу на совет и если он одобрит, то выправи справку в сельсовете и отправляйся в путь – дорога, чай, не близкая.

Мама тут же отправилась в другой посёлок к своей сестре Марии Ивановне. точнее к её мужу на совет – без него, самого грамотного человека в родне – не решался ни один важный вопрос.

Через неделю мама уехала. Мы с Ниной стали ждать её с гостинцами: если уж дедушка с базара привозит нам морковку от зайчика и лисичкин хлеб, то уж мама обязательно привезёт гостинцы и оставшиеся в старом доме игрушки.

Мама приехала через месяц, уставшая, нервная и какая-то возбуждённая. В Свердловске все были живы, здоровы. Наш домишко сломали, а на его месте построили добротный сарай – времянку из новых досок, приготовленных нашим отцом на новый дом. Мама привезла за дом два ситцевых отреза на платья. Она ходила в депо, где работал отец перед войной, ходила в военкомат, в собес, и привезла документы, по которым мы стали получать пенсию в размере двух третей от бабушкиной пенсии. А ту серую бумажку мама спрятала в папин кожаный бумажник, но иногда вынимала её, читала и плакала.

Рисунок Лоботоровой Анны, 8 лет – Возвращение

ПАПА, СКАЖИ МНЕ, ПОЧЕМУ... (ФРАГМЕНТЫ)

Игорь Боголей

***ПАПА УЕЗЖАЕТ

Через несколько минут
Поезд отправляется -
Папа едет на войну,
С нами он прощается.
Говорит в который раз

Командирским голосом:
- Быстро слёзы прочь из глаз!
Треплет маме волосы.

Папе я хотел вчера
В кобуру вложить конфет.
- Жаль, - сказал он. - Кобура
Носит только пистолет.

***ПАПА, Я С ТОБОЙ

Папа, хоть и молодой,
А уже - пенсионер.
Не штабной, а боевой
Был он раньше офицер.

Ночью часто он кричит
И ругается во сне.
Папе трудно позабыть,
Как служил он на войне

- Я тихонько подойду,
Прикоснусь к нему рукой:
- Пап, забудь ты про войну,
Спи спокойно, я с тобой!

***ПРИЗНАНИЕ

- Пап, признайся честно мне -
Было страшно на войне?
Он ответил:
- Там, сыночек,
Страшно всем, и очень-очень!

21.02.07 г.

Рисунок Кубышкиной Ксении, 14 лет «Жди меня и я вернусь!»

ДОРОГА В АД

Ольга Конаева

- Бабушка, ты участвовала в войне?
- Нет, детка, тогда меня ещё не было на свете, я родилась через два года после победы.
- Жаль! Значит, ты ничего не можешь о ней рассказать?
- Могу. О войне я знаю очень много.
- Но тебя же тогда ещё не было...

- Не было. Но я хорошо помню всё, что о ней рассказывали мои бабушка и мама.

Действительно, я помню всё до последнего слова. Помню так, как будто бы видела своими глазами, и всегда удивляюсь, когда мои двоюродные братья и сестры, с которыми в детстве мы были неразлучны, признаются, что совершенно не помнят этих рассказов. И мне начинает казаться, что я знаю о войне не понаслышке, а потому, что всё это происходило со мной.

В моих воспоминаниях о войне всегда доминируют три цвета: чёрный - цвет горя, серый - цвет тоски, и красный - цвет крови.

Я хорошо помню высокий деревянный столб на пригорке возле сельсовета, находившегося в центре нашего маленького села, и чёрный квадратный граммофон висевшего на нём громкоговорителя. Скорее всего, это был уже другой громкоговоритель, повешенный гораздо позже. Он многие годы каждое утро будил село звуками гимна. А я отчётливо слышу голос Левитана, читавшего сообщение о войне, вижу окаменевшие лица людей, застывшую в их глазах тревогу и заплаканных женщин, провожавших своих мужчин на фронт.

Потом женщины остались одни с детьми, и стали учиться жить без мужчин. Приходилось очень трудно, но они справлялись. Только бы скорее всё закончилось. Труднее всего - ждать. А страшнее всего было получать похоронки и понимать, что ждать уже некого...

Помню эшелоны... сколько их прошло через узловую станцию Крымская, находившуюся в паре километров от нашего дома. Женщины носили туда хлеб и молоко, зная, что и для их солдат кто - то делает тоже самое. Составам, идущим в сторону фронта, почти всегда давали зелёный свет, они лишь немного сбавляли скорость, и проходили мимо, не останавливаясь. Я слышу перестук колёс на стыках рельсов, вижу молчаливых женщин, провожавших их долгими взглядами.

Встречные эшелоны возвращались обстрелянными и закопчёнными. Они везли раненых, и подолгу простаивали, пропуская тех, кто ехал на фронт. Фронт ждать не мог.

Ходячие раненые выходили из вагонов. Они разминали ноги на закапанном мазутом щебне, обсуждали последние сводки. Санитары вытаскивали из вагонов носилки с умершими солдатами, несли их в пристанционный сквер и, словно сговорившись, укладывали на траву, всегда под одной и той же яблоней.

Я помню эту яблоню, у неё был толстый, раздвоённый ствол, широко раскинутые ветви, и листья шелестели как-то по-особому, тихо и ласково. От их шелеста лица навек уснувших солдат приобретали спокойный, умиротворённый вид. Проходившие мимо женщины останаливались у их ног, низко кланялись им, крестились и шли к эшелону, утирая слёзы кончиками платков. Там они выливали молоко в подставленные солдатами котелки, отдавали хлеб и спешили домой.

Их ждали дети и тяжёлая, изнуряющая работа. Женщины торопливо шагали по серой пыльной дороге, вспоминали лежавших под яблоней солдат и молились. Молились горячо и истово за то, чтобы скорее закончилась эта проклятая война, чтоб их солдаты уцелели и выстояли, чтоб выжили их дети, а они уж как-нибудь выдержат всё, что легло на их плечи. А чёрный громкоговоритель каждый день сообщал о новых городах и областях, захваченных врагом. Война спешила собирать свой щедрый урожай. Она добиралась и до наших мест, и надежда на скорую победу таяла с каждым днём. Всё чаще налетали бомбардировщики. Их густой, натужный гул давил на уши, вселяя ужас всему живому. И люди, и животные в панике разбегались - кто куда, пытаясь найти хоть какое-нибудь укрытие. Мои родные прятались в окопе, вырытом в саду, подальше от дома. Впереди всех бежала чёрная кудлатая Жучка, прыгала в окоп и сидела, пока не улетали самолёты.

Однажды бомбардировщики миновали станцию - её защищали зенитчики - и полетели дальше, вдоль железнодорожного полотна. Они кружили над ним, пока полностью не отбомбились. Женщины не выдержали давящей сердце тревоги. Они собрались у громкоговорителя и смотрели на чёрные столбы дыма, упирившиеся в небо там, где только что гремели взрывы. Потом подъехала полупролка. Из кабины вылез молоденький лейтенант с поседевшими висками. Он сказал, что фашисты разбомбили эшелон с новобранцами. Его команда не может справиться сама, и он просит помощи. Женщины прихватили хлеба и воды, чтобы напоить и обмыть раненых, забрались в кузов машины и поехали к эшелону. Но оказалось, что спасать было некого. Вдоль изрытого воронками железнодорожного полотна лежали не просто трупы - там было настоящее месиво из человеческих тел. Невозможно было определить, кому принадлежали оторванные части, валявшиеся повсюду. Женщины слезали с машины и в ужасе останавливались, боясь ступить ногами в лужи человеческой крови. Лейтенант молча смотрел на них, пытаясь закурить, но никак не мог достать трясущимися руками сигарету из пачки.

- Бабьонки, милые, - наконец сказал он. - Я понимаю, что если ад действительно существует, то сейчас он находится именно здесь, и вам в нём - не место. Но поймите, нам надо как можно быстрее восстановить дорогу. Эшелоны не должны стоять, фронт не может ждать. Я вас прошу, сделайте всё сами. Грузите солдатиков в машину, как есть. И ещё... попрошу о главном - обязательно собирайте их документы и отдавайте мне. Без документов нельзя никак, у них тоже есть матери и жены.

И женщины, плача, укладывали тела на расстеленные на земле плащ-палатки. Грузили на машину, и шли вслед за нею по полю, чтобы сложить их в братскую могилу, приготовленную наспех из нескольких подчищенных и соединённых между собой воронок. Скоро они и сами были в крови с головы до ног, даже - их лица, которые они измазали, вытирая слёзы, застилавшие глаза. Как будто плакали они кровавыми слезами. Кровь капала также из кузова машины, и вскоре протоптанная ими дорога стала красной и скользкой, как настоящая дорога в ад. Казалось, что им никогда не собрать эти мёртвые тела, никогда не отмыться от крови, и дорога навсегда останется красной. Если это ад, то он не имеет конца. Через несколько лет солдаты были перезахоронены со всеми воинскими почестями в присутствии их родных и близких. Я помню длинную братскую могилу, огромное количество гробов, обитых красным сатином, пышные букеты сирени в руках людей, торжественные речи и звуки оркестра. И стоявшую в сторонке молчаливую толпу женщин, побывавших в аду.

Рисунок Кузнецовой Юлианы, 13 лет - «Расскажи мне о войне»

КЕНГУ.РУ

Нина Тарасова

На работу поутру
Торопилась Кенгуру,
Посмотрела: всё в порядке,
Ключ - в кармане, две перчатки,
Кошелёк, очки, футляр,
Носовой платок... Кошмар!
Носовой платок, гребёнка,
Нет ребёнка-кенгурёнка!!
Но ведь был ещё вчера!
Ключ, платок, очки... Дыра!
Неужели сквозь дыру
Выпал целый кенгуру?!
Всё! Воды! Сейчас умру!

Но слышалось:
- Маманя!
Я совсем в другом кармане!

БЕЛКА

Эргэдэ

Морозным утром мы с ребятами вышли во двор. На мне были оранжевые бурки, купленные весной; чуть тесноватые, они плотно охватывали ноги. Мне это нравилось. С непривычно пустынного двора - все сараи к этому времени были уже разломаны и сожжены хозяевами в печах - мы пошли к Введенскому каналу. В нём прямо напротив Лазаретного, снеся ограждение и пробив лёд, вертикально стояла кабиной вниз упавшая в канал полуторка; надо льдом торчали только её кузов и задние колёса. Направо виднелись трубы Третьей ГЭС; до войны они все были разной высоты, а теперь те, что раньше высились, частично разобранные, они стали ниже самой низкой из них. Делать было нечего, и мы повернули обратно. Один из мальчишек зачем-то залез на каменный забор, ограждающий двор Военно-медицинского музея, и позвал всех за собой. По ту сторону забора в углу двора музея был залит настоящий каток площадью метров 10 на 10, там и сям валялось несколько пар коньков. Мальчишки называли их: «снегурки», «полуснегурки», «дутики» (хоккейки), «нурмис», даже одни «бегаша». Кто-то притащил несколько верёвок и палочек, мне показали, как надо прикрепить коньки к буркам. Умения кататься на коньках не было, ноги подгибались, но я всё же сделал первые неуклюжие шаги. Кто-то ведь позаботился даже в те дни о мальчишках...

Примерно в это время мама стала говорить, что, мол, дядя Андрюша обещает скоро вывезти нас из города, но ни сама она, ни я этому не верили. Хотя он был начальником штаба МПВО Дзержинского района и знал положение в городе лучше простых граждан, но как же он нас вывезет? Ведь блокада же! На самолёте, что ли?

Дрова кончались. Чтобы хоть немного сделать в комнате теплее, мы стали жечь мебель. Бабушка тяжело расставалась с ней: и до войны-то добыть мебель было непросто, а та, что в доме - считалась уникальной - дубовые кресла из витой древесины, принадлежавшие ещё её матери, старинный стол. Первыми были сожжены бамбуковые жардиньерки, но жару от них было немного. Мы с мамой стали пилить кресла. Пилили на половине дяди Герасима. Я быстро выдохся, правая рука устала, и я

взял рукоятку пилы в левую. Пила застряла, потом выскочила из прореза и зубом разрежала мне до кости наискось указательный палец на правой руке. Мама очень испугалась - при нашем питании и отсутствии лекарств это могло плохо кончиться. Однако, крови вышло много и палец не загноился. Заживал он довольно быстро, только шрам оказался большим - через весь палец наискосок. Со временем он всё уменьшался и потом сделался совсем маленьким, почти незаметным; мне даже странно, каким большим он был тогда.

Двадцать седьмого декабря прибежала девочка и сообщила, что мне можно с учениками школы, находившейся во дворе (хотя я в ней и не учился) пойти на ёлку. Идти не хотелось, но девочка сказала, что там будут давать подарки. Подарки? Это было странно, но заманчиво, к тому же мама меня отпускала. Все дети выстроились во дворе, и нас повели по Загородному, по Звенигородской, по улице Правды - в Дом культуры пищевиков.

В небольшой комнате стояла богато украшенная ёлка, под ней играл слепой гармонист. Холод стоял, как на улице, и одетая в шубу женщина пыталась уговорить нас водить хоровод, но нам не хотелось ни водить этот хоровод, ни петь. Потом открылась боковая дверь, мы прошли в зал и расселись по рядам. Молодой мужчина в коричневом костюме и синем галстуке спел песню «Как у дуба старого». После песни вдруг под музыку того же гармониста выскочили девушка в вышитой кофточке, с голыми руками и коленками, украинском венке с лентами, с монистом на шее и парень в широких синих шароварах. Они сплясали гопак. Было видно, что им очень холодно; нам тоже было очень холодно и странно смотреть на них. А потом открылась боковая дверь и руки оттуда стали раздавать подарки. В каждой подарке было яблоко и пять печенин «петибер».

Яблоко я съел сразу. А все печенья засунул в нагрудный карман рубашки.

Вокруг меня все жадно сжёвывали подаренное и, чуть не давясь, проглатывали.

На выходе из Дома культуры ребята постарше и посильнее отнимали у тех, кто послабее, несъеденные подарки. Мне чудом, а может быть из-за того, что я был с мальчишками нашего двора, удалось пройти через эту свалку. Мы пошли не домой, а в кинотеатр «Правда» (он находился в помещении теперешней джаз-филармонии) и посмотрели хронику «Парад на Красной площади 7 ноября 1941 года». Сталин произносил речь. Очень сильно хотелось есть, но до своего печенья я так и не дотронулся; пришёл домой и выложил перед мамой все пять печенин для Тани. Это - не героизм; мне и тогда было, да и сейчас трудно понять, что мною руководило. Какое-то странное чувство. Отдавать

печенье было мучительно жалко, и себя мне было тоже очень жалко, но какая-то гордость, желание поступить не так, как требовало всё внутри меня, не позволили ни там, на ёлке, ни дома вцепиться, проглотить этот подарок. Мама расплакалась, когда я протянул ей печенье для Тани.

Но помочь Тане было уже ничем нельзя: 4-го января она умерла от голода.

Рисунок Михайловой Лизы, 13 лет - «В годину испытаний»

ЛИНЕЙКА

Юрий Фригович

Мне купили
Большую, чем прошлая - втрое.
Во дворе измерил я скамейку
И трубу, торчащую в стене.

Я измерил окна в нашем доме,
Шкаф, диван, комод, столы, полы,
И поведал дворничихе Томе
Точную длину её метлы.

А вот мама как-то мне сказала
Дома в позапрошлый выходной,
Что язык мой - будто, от вокзала
И до нашей улицы длиной.

Вот теперь я, сидя на аллейке,
Измеряя крылья стрекозы,
Думаю: А хватит ли линейки,
Чтобы свой измерить мне язык?

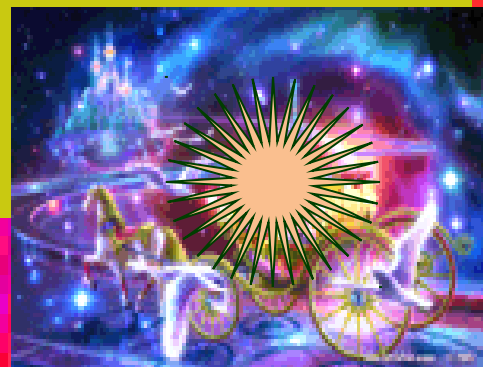
2010 г.

БЕРЁЗКА 3

Тер-Азарян Григорий

Глава двенадцатая (Окончание)
Новогодний бал

- Тогда возвращаемся в наш лес, - обрадовался Топаз. - Поставим берёзку на своё место - потом подумаем, что делать дальше.

- Конечно, так и поступим, - раздалось со всех сторон. - Пусть и Принц с Принцессой летят с нами. Сейчас им незачем во дворце оставаться.

- Конечно, Ален с Лоттой должны быть с нами, - подхватила Берёзовая Серёжка. - И пусть не беспокоятся о дворце - я что-нибудь придумаю...

- Какая же ты добрая! - подойдя к фее, тихо прошептал Фырк. - Всем стараешься прийти на помощь.

В ответ Берёзовая Серёжка наградила ёжика одной из своих ослепительных улыбок.

- Если бы не ты, никогда бы нам не выбраться из этого жуткого подземелья, - неожиданно вздохнула фея и погладила своего колючего друга. - Меня всегда удивляет, как тебе, такому маленькому, удается пересилить страх и вовремя прийти на помощь! Это и есть настоящая дружба.

- О чём вы там шепчетесь? - хитро улыбаясь, подошёл к ним Агат. - Глядя на вас, можно подумать, что никакого Быхкара и не было.

- Лучше и не вспоминать это чудовище, - вмешался в разговор Жёлудь.

- Даже не верится, что он превратился в дым.

- Так возвращаемся в лес или нет? - заволновался Топаз. - А то все мило беседуют, словно и не желают покинуть это мрачное подземелье.

- Твоя правда, - рассмеялся Еловая Лапа. - То мы печалились, не зная, что нас ожидает, а сейчас от радости будто и позабыли, что можно навсегда покинуть жуткое царство клуков.

- Тогда поскорее рассаживайтесь, - последовала команда Топаза. - Карета большая - всем места хватит.

Как только все уселись, Топаз начертил в воздухе волшебный знак. Солнечный зайчик заиграл по стенкам кареты, её крылья замахали в такт - и она плавно поплыла. Только теперь, когда они пролетели над замком и осмотрелись, стало ясно, каким же огромным было царство клуков. Тысячи коридоров, то переплетаясь друг с другом, то разбегаясь в стороны, предстали перед взором друзей.

Наконец показалось отверстие, пробитое в полу зала, и карета, вылетев из подземелья, вскоре появилась во дворе замка.

- Какие ужасные чёрные коридоры! - глядя на работу клуков, побледнела Принцесса. - Опоздай немного Агат с Фырком и Голубой Капелькой - никогда нам не увидеть солнечного света. Куда ни глянь - повсюду эта отвратительная ткань. Наш весёлый замок стал неузнаваем!

На глазах у Лотты появились слёзы.

- Перестань грустить! - почти в один голос воскликнули феи с Принцем.

- Главное, что Быхкар и его страшное войско уничтожены, а дворец скоро станет таким же, каким он и был прежде.

- Я ещё хочу побывать у тебя на балу и посмотреть, как ты будешь танцевать, - подойдя к Принцессе, потянул её за платье Фырк. - Кроме

того, Агат мне успел рассказать, сколько разных угощений ты для меня припасла.

- Если только они сохранились... - продолжала вздыхать Принцесса. - Скорее всего, эти чудовища всё съели.

- Вон впереди заблестел лёд озера, - указал Агат, чтобы отвлечь Лотту от горьких мыслей. - Смотрите, как сверкает и переливается лёд. Такую красоту, может, больше и не увидим.

День клонился к концу, и лучи заката окрашивали поверхность озера в яркие цвета. Казалось, что внизу расплескалось расплавленное серебро, по которому то и дело пробегают волшебные блики.

- А вон и наш лес уже виден! - обрадовались гномы. - Прикажи карете, пусть летит на полянку! - обратились братья к Топазу.

Но тот и без их подсказки уже давно приказал экипажу лететь туда.

- Посмотрите, и такого вы тоже можете никогда больше не увидеть! - воскликнул Орешник. - Почти темно, а солнечный зайчик стал ещё ярче. Он кажется таким маленьким, а только недавно победил тысячи чудовищ!

- Но и Фырк тоже маленький, - проговорила Голубая Капелька. - Но не будь его - неизвестно, что бы случилось.

- Как некрасива полянка без нашей берёзки! - взглянув вниз, недовольно проворчал Фырк.

Он очень растерялся от слов феи и был крайне смущен.

- Сейчас приземлимся, и всё встанет на свои места, - пообещал Топаз. - А фея всё верно говорит, ёжик. Ты - просто молодец!

Как только карета приземлилась, гном произнёс заклинание. Солнечный зайчик тут же прыгнул на место, где стояла берёзка, и через мгновение там появилось всем хорошо знакомое дерево.

- Я знаю, что нам делать, - подошёл к брату Агат. - Не нужно нам ёлочки с игрушками, пусть наша берёзка зазеленеет, станет такой, какой бывает весной. И чтобы под ней цвели незабудки.

- Будь по-твоему, - улыбнулся Топаз. - Но что на это скажет Фырк? И я повторю слова Голубой Капельки: «Не будь ёжика» - нам не удалось бы спастись.

Фырк, вновь услышав эти слова, так смутился, что не знал, куда спрятаться. Он растерянно смотрел по сторонам.

- Правильно говорит Топаз, - раздалось громкое цоканье белок. - Фырк - самый смелый ёжик. Он хоть и маленький, но никого не боится - ни Тартуха, ни Быхкара.

- Не смущайся, это правда, я уже тебе про это говорила, - подойдя к другу, взяла его на руки Берёзовая Серёжка. - Ты не представляешь, как было страшно в темноте. Был момент, когда даже я потеряла надежду, что мы вырвемся из подземелья. Говорю это по секрету только тебе.

- Так кем же стать берёзке? Пора решать. Мы ждём, что ты скажешь, ёжик, - раздалось со всех сторон.

- Пусть будет так, как сказала... - тихо проговорил Фырк. - Да, зимой очень красиво, всё белым-бело, пушистый снег на деревьях, и даже белочки надели новые шубки, но весна - ярче.

Не успело смолкнуть последнее слово заклинания, а берёзка уже зашелестела листвой, под ней выросла высокая изумрудная трава, в которой прятались незабудки.

Гномы, феи, белочки и ёжик водили вокруг деревца весёлый хоровод. И только Берёзовая Серёжка время от времени отходила в сторону, что-то тихо шептала и прищёлкивала пальцами.

- Что она там делает, что у неё на уме? - переговаривались, улыбаясь Утренняя Роса с Голубой Капелькой.

- Потом узнаем... - тихо прошептал присоединившийся к ним Топаз. - Видимо, Берёзовая Серёжка хочет нас чем-то особым удивить.

***

Ночь пролетела незаметно, и вскоре горизонт начал окрашиваться в цвета рассвета.

- Пора нам возвращаться домой, - подойдя к Алену, проговорила Лотта.

- Жаль, что новогодний бал не состоялся.

- Что за слова я слышу?! - подойдя к Лотте, в шутку погрозила ей пальцем Берёзовая Серёжка. - Если мы сейчас не сядем в карету и не полетим в замок, боюсь, что гостям придётся начать бал без хозяев.

- Как мы можем танцевать, в замке не осталось ни одного целого зала, всё разломано? - грустно вздохнула Принцесса.

- А это мы ещё посмотрим! - усмехнулась Берёзовая Серёжка. - Не медли, Топаз, пора усаживаться в карету! Мы и без того опаздываем.

- Тогда всем поскорее усесться по своим местам, - услышался голос гнома. - Взлетаем!

* *

***

Вскоре показался замок. Но он до неузнаваемости изменился. Все

башенки с флюгерами блестели свежей позолотой, и казалось, что даже старинные стены стали совершенно новыми.

- Неужели это наш дом? - смотрела и не верила Принцесса. - Это ты... ты все наколдовала, - бросилась обнимать Берёзовую Серёжку Лотта. Вот что ты вчера вечером делала, когда отошла в сторонку и всё время шептала!

Не успела карета приземлиться, а к замку уже подъехал первый экипаж гостей. За ним - второй, третий... Никто из приехавших и не вспоминал про клуков и их страшного короля Быхкара. Казалось, будто они и не знают, какая беда совсем недавно всем угрожала.

- Это опять ты постаралась, ничего не упустила, - улыбаясь и проходя мимо Берёзовой Серёжки, тихо проговорил Агат.

Прежний зал, который был разгромлен, сейчас выглядел ещё краше. По стенам поднимались диковинные растения с громадными, неопишуемой красоты, цветами, а на ветках сидели и распевали песни прекрасные птицы.

- Я видел, видел эти цветы! - оглядывался по сторонам Ален. - Именно такими они и приснились мне. Даже не верится, что это - наяву! Но как ты, Берёзовая Серёжка, про это узнала?

- Не забывай, что я добрая волшебница, а иногда и колдунья, - улыбнулась фея. - Мне много чего известно...

Тут в зал влетели три кареты с мотыльками. Каждая из фей уселась в свой экипаж, и они поднялись к самому потолку. По стенам сразу же побежали разноцветные блики, сливавшиеся в волшебные картинки. Казалось, что зал стал расширяться и, словно парил в воздухе.

Дирижёр, как будто только этого и ждал. Он взмахнул палочкой, грянула музыка, и пары закружились в весёлом вальсе.

- Как прекрасно, Ален, что мы снова вместе и танцуем! - как колокольчик звенел голос Принцессы. - Даже не верится, что ещё вчера мы были в подземелье. Неужели мне приснился дурной сон?

- Это и был сон, любимая, - улыбался Ален. - Нехороший сон, который, благодаря нашим друзьям, растаял, как туман. - Ты разве забыла, Лотта, но ведь даже детям известно, что каждый Новый год непременно приносит с собой чудеса.

КОНЕЦ

ПЕЧАТКА КОРОВЫ - КАК ПРЕКРАСНО МОЛОКО!

Джованна Куин

1. Вышла на поле корова,
Травку пощипать,

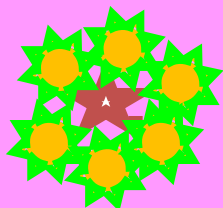

Смотрит: луг – такой зелёный -

Как не полежать?!
 Ну а вечером вернулась,
 Захотела спать.
 Утром громко замычала,
 Молока, чтоб дать.

Припев:

Му, му, му,
 Му, му, му,
 Как прекрасно молоко!
 Быть счастливой так легко,
 Если луг недалеко!

2. Вышла на поле корова,
 Травку пощипать,
 Смотрит: солнце озорное -
 Как не погулять?!
 Ну а вечером вернулась,
 В дом, чтоб отдохнуть.
 Утром гордая проснулась -
 С молоком вся грудь.

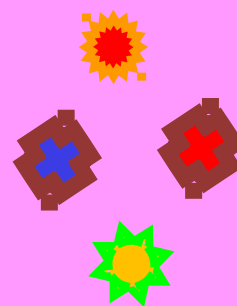
Припев:

Му, му, му,
 Му, му, му,
 Как прекрасно молоко!
 Быть счастливой так легко,
 Если солнце высоко!

3. Вышла на поле корова,
 Травку пощипать,
 Смотрит: небо голубое -
 Как не помечтать?!
 Ну, а вечером вернулась,
 Вся в цветном манто.
 Утром песню сочинила:
 Как прекрасно молоко!

Припев:

Му, му, му,
 Му, му, му,
 Как прекрасно молоко!
 Быть счастливой, так легко,

Если солнце, если небо,
Если луг недалеко!

ДЕДОВЫ СЛЁЗЫ

Арсений Лайм

Пирожки скворчали в сковороде, иногда пострелывали на огонь жиром, и из кухни по всему дому расплывался запах и благополучия. Казалось, что на свете приятнее запаха и быть не может.

Бабушка, ловко орудуя чапельником и вилкой, выхватывала из сковороды подрумянившиеся пирожки с печенью и сбрасывала их в большую чашку. Лоснившаяся от жира и масла горка быстро увеличивалась. И ничего вкуснее в жизни я отродясь не ел.

Хватаешь горячий пирожок под строгим взглядом бабушки, губы которой тронула улыбка, и перебрасываешь его с ладошки на ладошку, чтобы немного остудить. Но не выдержишь и, обжигаясь, откусываешь с одной стороны, а потом смотришь, как в маленькую дырочку, словно из вулкана, вырывается пар. Он наполнен ароматом горячего теста и печени с луком...

Сроду ко мне больше не приходили такие сны, в которых я чувствовал запахи и вкусы, наполнявшие слюною рот. Лишь осенью 42-го, когда немцы рвались к Волге, а весь советский тыл рвал жилы, чтобы помочь фронту.

- Миколка, вставай, - бабушка Поля, шаркая стоптанными тапочками, вторгается в мой сладкий сон, в котором я пытаюсь попробовать свои любимые пирожки. - Просыпайся, внучек. Завтракать пора.

Мать уже ушла на работу в госпиталь. Ей 28 лет, но она напоминает иву у пруда, что неожиданно засохла в августе. Ещё месяц назад чёрные, словно сажа, волосы матери припорошила седина. Как первый снег, упавший на недавно вспаханную землю.

- Сейчас, ба, - отзываюсь я.

В доме прохладно, и совсем не хочется покидать уютный мир под стёганным одеялом, согретый теплом моего тела. В этом мире ещё витает запах пирогов, выдернутый каким-то таинственным образом из сна, нет страха и печалей.

Никогда больше у меня не было такого аппетита, как в ту осень. Я постоянно хотел есть. Даже пробовал жевать траву и листья, но кроме тошноты и горечи во рту, ничего не ощущал.

Выскочив из-под одеяла, быстро натянул домотканые серые штаны с помочью и рубашу с тремя пуговичками у ворота. На кухню я отправился вприпрыжку. Холодный деревянный пол хватал меня за пятки, словно пытаюсь отобрать остатки тепла.

- Ба, а когда мы немца побьём? - с традиционным утренним вопросом я взгромоздился за большой обеденный стол.

- Скоро, внучек, скоро, - всегда отвечала бабушка и ставила передо мной металлическую кружку с разбавленным водой молоком и накрытую горбушкой хлеба. Мука в нём постепенно уменьшалась. Зато отчетливее проступала горечь крапивы. Но я молчал.

Мой отец бил немцев под Москвой, и я должен делиться с ним хлебом. Так объясняла баба Поля. Я всё понимал, хотя мне только шесть лет с небольшим. Я никогда не был глупым, а капризным стать не успел. В те годы мы выросли быстрее, чем старели наши родители.

Батьку своего я почти не помнил. Он ушёл на фронт летом 41-го. Чёрные усы, слегка пожелтевшие от махорки, да терпкий запах свежескошенной луговой травы - всё, что осталось в памяти от отца. На старых поблёкших фотографиях он был совсем не таким, как мне представлялось. Лицо знакомое, но вот кто это - вспомнить не получалось.

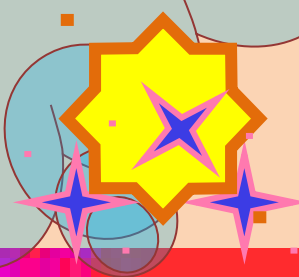
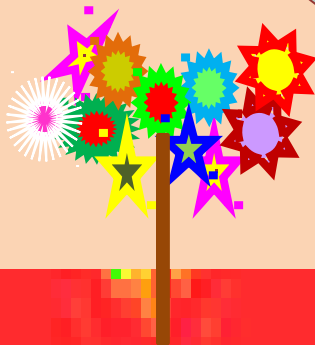
- Вот язви тебя в душу, - раздался из сенцев скрипучий, как у колодезного журавля, голос. Что-то гроыхнуло, я прыснул в кулак. Дед Прохор опять сослепу едва не споткнулся о Тимофея. - Пришибу тебя, чертяка рыжий. - Дед, тяжело ступая и опираясь на клюку, вошёл в кухню, но продолжал грозить пальцем себе за спину. - Чуть не убил, злыдень ты окаянный.

Бабушка поставила на стол ещё одну кружку. У деда молоко было разбавлено больше моего, но он всегда выпивал его с удовольствием. Покряхтывал и вытирал ладонью бороду и усы, на которых, как роса на траве, висели мутно-белые капельки.

Дед, взглянув на меня из-под кустистых сероватого цвета бровей бледно-голубыми глазами, спросил:

- Опять сегодня с Федькой пойдёте к пруду германцев топить? - Я кивнул. - Ну, тодысь нарвите камыша, если ещё остался. Надо бы в сарае крышу подлатать, прохудилась малость.

- Нарвём.

- Только осторожнее, ноги не замочи и ручки не порань, - наставляла бабушка, когда я спрыгнул с табурета и выбежал из кухни.

На улице тепло, но в ночь бывают заморозки, белёлые следы которых видны по утрам на деревьях и кустах. Осень успела выдуть летний зной из Чуйской долины и плеснуть золотом на листья тополей и карагачей. Ветер с гор несёт прохладу и, закрадываясь под одежду, холодит тело. Я только успел выскочить за калитку, как увидел белобрысого Федьку, который размахивал палкой, словно Буденный - саблей, и трусил в мою сторону.

- Пойдём фрицев топить? - щурит глаза конопатый дружок.

- Пойдём. Только камыша нарвать надо.

- Нарвём, - машет рукой Федька и устремляется вприпрыжку к околице. У сельского пруда было тихо. Лишь изредка доносилось приглушённое тявканье собак. Ещё недавно здесь резвились колхозные утки. Они подобно белым пароходам рассекали зеленоватую, затянутую ряской воду, или терпеливо ныряли, смешно задирая розовые лапы. Иногда устраивали драки на берегу, широко расставляли крылья, шипели и разбрасывали вокруг перья. Совсем как подушки, которые бабушка развешивала на заборе и поколачивала деревянной палкой.

Уток забрал фронт - вслед за мужиками и сопливыми выпускниками сельской школы, пшеничным хлебом и парным молоком.

Мы с Федькой любили проводить время на пруду - это наш театр военных действий. Такое выражение я не раз слышал от деда и запомнил, как прилипчивый стишок.

Мы бросали в воду травинки и листочки, которые превращались во вражеские корабли. Они подбирались к берегам нашей Родины. Ни я, ни Федька никогда не были на море, но не сомневались, что всё происходило именно так.

После появления вражеской эскадры я торжественным голосом, пытаюсь скопировать радио, объявлял:

- Внимание! Внимание! Фрицы наступают.

- Огонь по гадам! - подхватывал Федька, и на плавающие травинки обрушивался град глиняных комьев или камней. Шансов выжить в такой переделке у врага не было. Корабли противника ни разу не достигли нашего берега и не смогли высадить десант.

- А тётке Вальке вчера письмо принесли про Пашку, - сообщил Федька, вытирая грязные руки о штаны и шмыгая носом.

- Откуда знаешь?

- Мамка с бабкой вечером говорили. Думали, я сплю, но я всё слышал. Сказали, что где-то возле моря его убили.

Я теребил зубами травинку и вспоминал Пашку. Он был самым хулиганистым школьником в селе. Курил самосад и гонял всех пацанов, даже нас с Федькой. Я боялся этого нескладного и угловатого детины, который воровал у своей матери самогон и распивал с друзьями возле пруда.

Но теперь во мне проснулось что-то похожее на жалость, как два месяца назад, когда издох наш старый пёс Тузик. Один раз он меня хватанул за пальцы, и я обходил его стороной, но обязательно дразнил. А когда собаки не стало, я плакал.

Уже тогда я понимал, что умереть – это не улететь на небо ангелом, как говорила бабушка, а лечь в яму, в которую будут сыпать землю. А позже воткнул в холмик крест, словно ключ, что запрет дверь за спиной покидающего дом.

А ты не боишься умереть? – спрашиваю я отрешённо, словно роняю камешек в воду.

- А как это?

- Ну, как Пашка?

- Это когда мамка и соседки плачут?

- Угу.

- Я не люблю, когда мамка плачет.

Играть больше не хотелось, и мы пошли ломать камыш. Его почти не осталось, но, побродив по берегу пруда, мы смогли собрать целый сноп. Федька взял половину, прижал колючие стебли к груди и, смешно, как гусак расставляя ноги, пошёл к селу. Я смотрел ему вслед, и мне вдруг стало жалко своего единственного друга. Я и предположить не мог, что накануне нового года Федька умрёт. Лихорадка за три дня сожрёт его, а женщины будут жечь костры, чтобы размягчить землю и похоронить иссохшее тело.

На его могилке вырастет берёза, которую не сажали. Через три недели после смерти Федьки убьют его батьку, а мамку соседи вытащат из петли и свезут в город Фрунзе*. Больше я её никогда не увижу.

Дед опирался на клюку и подслеповато шурился на нас с Федькой. Старый и сгорбленный, ежеминутно срывающийся в кашель... – мне всегда казалось, что так должен выглядеть Кашей Бессмертный. Только дед не был страшным и даже изредка баловал меня – покупая на рынке леденцы. Или усадив на колени, начинал рассказывать, как сражался в Сибири с войсками Колчака, а потом откомандирован в Среднюю Азию для борьбы с басмачами.

- Вот молодцы, внуки, – откашлявшись, похвалил нас дед. – Замесим глины и подлатаем крышу.

- Я домой, – сказал Федька и, попрощавшись, поскакал по улице, как красноармеец на невидимом коне.

Дед потыкал клюкой в кучу сваленного у забора камыша и посмотрел на небо, по бездонной голубой поверхности которого плыли редкие облака-кораблики. Подумал, пошамкал губами и сказал:

- Снеси камыш в хлев. Негоже ему здесь валяться. Народ нонче охоч до воровства стал. Тянет и то, что раньше не замечал и за добро не признавал.

Пока я носил колючий камыш в хлев, дед с кряхтением устроился на крылечке и ловко свернул «козью ножку». Курил он самосад, от одного запаха которого наворачивались слёзы, а в горле першило, будто туда проскользнул муравей.

Из-за угла дома показался Тимофей. Мягко ступая, он приблизился к деду, с наслаждением потянулся и сел рядом. Обернулся хвостом вокруг передних лап. «Кот в унтах», - смеялась мать, если видела Тимофея в такой позе. Крупный котяра, цвета осеннего листа в тёмную коричневатую полоску, был диковатым и агрессивным. Бабушка рассказывала, что в предках у Тимофея прописался камышовый кот. От домашних сородичей он унаследовал только одно - любил, когда ему чесали за ушами. Но позволял делать это лишь деду. С остальными домочадцами вёл себя подчеркнуто независимо и в руки не давался.

Если Тимофея подкармливали на кухне, он принимал еду с таким видом, словно делал одолжение, уплетая сметану или творог. Когда кота сняли с довольствия, он спокойно переключился на мышей и крыс, которых раньше ловил для развлечения. Казалось, что война обошла его стороной, он был таким же упитанным, как и год назад, шерсть лоснилась, а характер оставался скверным.

Дед опустил ладонь со скрюченными пальцами Тимофею на голову и стал почёсывать его за ухом. Кот прикрыл большие янтарного цвета глаза, перечеркнутые чёрным, как уголь, миндалевидным зрачком. Но я чувствовал, что это показное равнодушие. Наверняка Тимофей не выпускал меня из виду, четко отмечая все мои перемещения по двору.

- Что, чертяка рыжая, поохотился? Есть ещё кого ловить? - дед попыхивал «козьею ножкой» и прищуривал глаза от едкого дыма. - Оно, видишь, как дела у нас паскудно идут. Опять голодно стало. Самим скоро жрать нечего будет.

- Деда, а он разве тебя понимает? - спросил я, мелкими шажками приближаясь к крыльцу. Мне тоже хотелось погладить Тимофея, но пока ни разу не удавалось этого сделать. Если я подкрадывался к нему со спины, кот подпускал меня близко, но в самый последний момент отскакивал в сторону и удирал, задрвав хвост.

- Стал бы я беседу заводить, если бы Тимофей ничего не понимал... Это люди, внучек, меж собой договориться не могут, а умный человек с тварью божией всегда общий язык найдёт. Если ты к Тимофею с открытой душой да без злого умысла подойдёшь, то и он к тебе

потянется.

***

Мать уходила на смену в госпиталь, который располагался в трех верстах от нашего села, на окраине Фрунзе, затемно. Возвращалась обычно поздно, чаще за полночь. Только изредка ей удавалось добраться туда или обратно на попутной телеге.

От матери пахло лекарствами, карболкой и чужими страданиями. Эти запахи настолько впитались в неё, что я ощущал их и спустя годы после окончания войны, когда госпиталь закрыли. Он исчез, оставив большое солдатское кладбище.

Сколько я ни просил мать взять меня с собой на работу, она лишь отнёкивалась:

- Нечего, Миколка, тебе там делать. Мешать только будешь. Да и незачем смотреть на горе людское. Жизнь вся впереди - успеешь лиха хлебнуть.

Я слышал, как она плакала по ночам, пряча голову по одеяло. Или когда сидела с бабушкой по вечерам на кухне:

- Такие молодые, а уже покалеченные. Их ещё девки не целовали, а они - старики стариками. Ох, мама, как мне душу от этого разрывает. Но я терплю, вона - все губы в кровь искусаю, чтобы не разреветься.

Бабушка обычно молчала, лишь изредка тяжело вздыхая. Если мамке хотелось порыдать, то бабуля прижимала её голову к своей груди и гладила по её седеющим волосам. Но не всегда скопившуюся боль можно выплакать. Порой она засядет крепче любой занозы и беспрестанно бередит душу.

***

Однажды поздно вечером, дело к зиме шло, мать вернулась домой совсем расстроенная. Меня быстро отправила спать. Но я, как и раньше, выскользнул из ещё не успевшей согреться постели и прокрался к кухне. За столом в полумраке, который едва разгоняла свечка, сидели мать, дед и бабушка. Молча, что заставило меня насторожиться.

Я стоял и дрожал от холода, только зубами не клацал. Хату топили так, чтобы было чуть теплее, чем на улице. Зиму обещали суровую, вот дрова и берегли.

- Нормы опять урезают, - проговорила мать. Её голос подрагивал, она еле сдерживалась, чтобы не разрыдаться.

- Ох, как же в зиму-то без запасов? - бабушка всплеснула руками и покачала головой.

- Не знаю, мама. У нас и менять на базаре уже нечего. Коленьке сейчас хорошо питаться надо - растёт ведь. Да и заболеть может, если ослабнет от голода.

- Может, обойдётся всё? Малец он крепкий, а ты беду не накликавай понапрасну. Глядишь, Господь и смилостивится, - бабушка перекрестилась на угол кухни, где висела старая почерневшая от гари

и чада икона.

Тут дед кашлянул и вступил в разговор:

- Тимофея... это, если что забьём. Вон чертяка как к зиме отъелся, крупнее крола стал. Хотя и кот, но мясо всё ж таки.

Я испугался и не мог поверить в услышанное. Дед, который души не чаял в Тимофее, предлагал его убить! В глазах защипало, я едва не разревелся от такой несправедливости. Мне хотелось выскочить из укрытия и закричать, защитить кота. Но в тот же миг в тёмном углу, с другой стороны кухни что-то сверкнуло, и послышался шорох.

Сколько я не всматривался, так ничего и не увидел. И тогда страх, словно оторвавшись от холодного пола, взобрался по ногам, царапнул по животу и сжал сердце. Я метнулся к кровати, залез с головой под одеяло, но долго не мог заснуть. Мне представлялся Тимофей, которого дед забьёт, как до этого кроликов, когда они у нас ещё были.

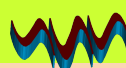
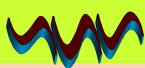
Сон оказался сильнее моих страхов и постепенно сморил меня. А на следующее утро выяснилось, что Тимофей пропал.

- Никак, чертяка рыжий, что-то учуял, вот и сбёг, - говорил дед, качая головой. Но в голосе его совсем не слышалось печали. Мне даже показалось, что в его белой бороде прячется довольная ухмылка. - А может, кто до нас словить кота приметил. Вот и сгинул Тимофей в чьём-то котле.

Но в это не верил ни сам дед, ни я. Слишком умён был Тимофей, чтобы так глупо расстаться с жизнью. Зато теперь каждое утро, только проснувшись, я спрашивал у бабушки не про немцев, а про кота. Но она лишь отрицательно качала головой.

Казалось, что с пропажей Тимофея в дом пришла беда. Все старались говорить тише, даже пол и двери скрипели глуше. У взрослых совсем исчезли улыбки, словно их забрал злой колдун.

***

Тимофей объявился через неделю. Я проснулся сам, с удивлением отметив, что бабушка не пришла мне пожелать доброго утра. Я лежал в тишине и рассматривал вязь из трещинок на потолке, когда услышал, что на кухне разговаривают. Голоса были приглушёнными, и любопытство живо вытянуло меня из постели.

Когда я вошёл на кухню, бабушка и дед внезапно замолчали. На столе лежал комок чего-то розовато-белого с жёлтыми прожилками и густо облепленного грязью.

- Ба, что это?

- Нога это, баранья, - сказала бабуля. И в её глазах я увидел страх, словно она смотрела не на мясо, а на ядовитую змею.

- Тимофей притащил и на крыльце оставил, - продолжил дед.

- Он вернулся! - обрадовался я.

- Вернулся. Только ты, внучек, никому об этом не сказывай. За это нас по головке не погладят, - дед произнёс это так, что я всё понял. В его голосе впервые за многие годы вновь лязгнул металл, который, как мне казалось, уже давно съела ржавчина старости.

- Что ж делать-то с этим? - бабушка присела на табурет и безвольно опустила на колени натруженные руки.

- Что-что. Спрятать надо в подпол, а Тимофею спасибо сказать, - ответил дед.

Он отвернулся от стола, глаза его блеснули. Так в первый и последний раз в жизни я видел слёзы деда Прохора. Даже когда в 43-м пришла похоронка на его сына, моего батьку, он не проронил слезы, только ещё сильнее постарел и сгорбился.

Бишкек, 4-16 декабря 2009 года.

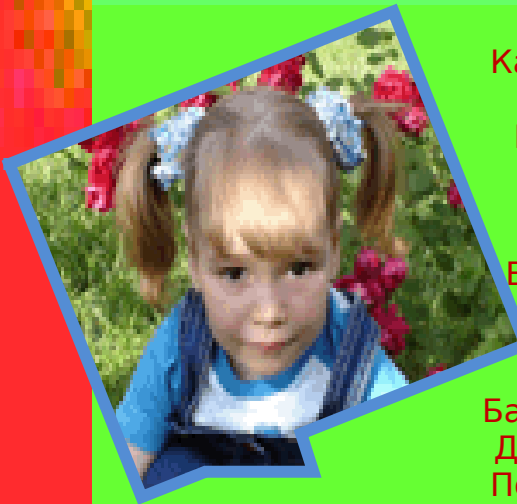
* Фрунзе - название города Пишпека в советское время, столицы Киргизской ССР. После развала Советского Союза, в 1992 году он переименован в Бишкек.

Рисунок: Недавних Наташа, 13 лет - «Мир и война»

В ТУРЦИЮ ХОЧУ! СТИШОК

Ирма Горте

Есть традиция у нас:
Каждый год и каждый раз
Я каникулы свои
Провожу в кругу семьи.

***

В нашем доме на обед
Вся семья вершит совет:
Ведь каникулы опять!
Чем бы девочку занять?

Бабушка твердит про дачу,
Дед кряхтит, а это значит
Понимает, что на грядках
Лето проводить не сладко.
Папа предложил поход -
Всё-таки - не огород!
Мама хочет взять путёвку
В надоевшую «Сосновку».

Я в дебаты не вступаю,
Взрослых не перебиваю,

Ах, какая скукота!
 У меня же есть мечта!
 Так чего же я молчу?
 Вдруг:
 - Я в Турцию хочу!
 Вот бы провести неделю
 В пятизвёздочном отеле!
 Обязательно одно:
 Выбрать тур «Всё включено».
 На руку браслет надели -
 Отрывайся всю неделю!
 Можно с горок покататься,
 Да в бассейнах накупаться.
 Бегать, прыгать, загорать,
 С ребятишками играть.
 Мини-диско, развлечения,
 Радостное настроенье!
 А ещё, я знаю, можно
 До отвала есть мороженое!

Аж заслушалась семья,
 Как рассказываю я.
 Попритихли за столом,
 Продолжаю о своём:

- Там для взрослых, пап и мам -
 Замечательный хамам.
 Биллиард и баскетбол,
 Теннис, мини-гольф, футбол.
 Хочешь - мчись на квадрациклах,
 Или - водных мотоциклах.
 Дайвинг, сёрфинг, парашют,
 Анимация, салют!
 Столько пользы всей родне,
 Деду, бабушке и мне!
 Солнечные ванны, море,
 Воздух средиземноморья!
 Что касается питанья -
 Шведский стол есть в ресторане,
 Бары - в лобби и на пляже,
 Супчик на ночь можно даже!

У-фф, наговорила сколько!
 Не ругайте, люди, только!
 Смотрит на меня семья -

Сильно высказалась я!

Бабушка в недоуменьи
От такого выступленья:
- Ты откуда знаешь это?

- Ба, спасибо Интернету,
Мне статья одна попалась -
Так я прямо зачиталась.

Дедушка не стал кряхтеть:
- Мож всем вместе полететь?
Я о Турции слышал -
Так и сам бы побывал.

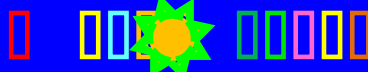
Мама к папе повернулась,
Подмигнула, улыбнулась:
- Что ты скажешь: мы поедем? -
В ожидании ответа,
Все четыре пары глаз
Смотрят на него сейчас.

Папа наш - глава семьи,
Подсчитал в уме рубли,
Тут же, прямо за минуту,
Быстро перевёл в валюту,
Что-то, видимо, решил
И совету объявил:

- Что неделя? Лучше - месяц!
Можем выбраться семейством.
Для чего статьи читать?
Или попусту мечтать?
Собирайте чемоданы!
Отдыхать - так отдыхать!

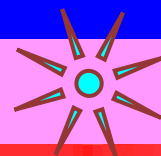
***

Как и принято у нас,
Так и вышло в этот раз -
Я каникулы свои
Провожу в кругу семьи!

О ЗНАКОМСТВЕ С КРАСНОЙ ШАПОЧКОЙ

Юлия Илларионова

Гуляли как-то осенью белочка-Шишечка, бычок-Тыгыдычок, мишка-Топтышка, зайчишка-Трусишка, волчонок-Обормотик, лисичка-Хитричка и тучка-Добрючка по лесу.

- Я устала, - сказала Хитричка.

- Ну вот! Я же говорил, что не надо было их брать, они вечно ноют и достают! - шепнул Обормотик.

- Ну и не берите в следующий раз! - резко ответила белочка.

- Обормотик! Что ж ты так, они ведь девочки! Они маленькие и хрупкие! Да и я к тому же устал, - присел рядом с лисичкой и белочкой Топтышка.

- И я! - хором сказали заяка, бычок и тучка.

- Началось! - провыл Обормотик и под дикий хохот сел рядом со всеми.

- Хорошо. А что дальше, умники и умницы?

- Не знаю, - ответил Топтышка.

- А давайте рассказывать истории! Только, чур, интересные! - предложила Добрючка.

- Давайте! Это же отличная идея! - радостно заговорил Трусишка и чуть виновато прижал уши.

- А я даже знаю, кто и что будет нам рассказывать, - загадочно произнесла Шишечка.

- Да? И кто? - удивилась Хитричка.

- А то ты не догадываешься! - подмигнула ей белочка.

- Слушайте, может, хватит секретничать? - разозлился Обормотик.

- А чего секретничать-то? Рассказывать будешь ты! - отозвалась Шишечка.

- Да? И про что же это, интересно мне знать, я буду рассказывать? - нахмурил брови волчонок.

- Как про что? Помнишь, когда ты болел? - начала Хитричка.

- Ну да, помню. Мы тогда ещё с тобой подружился.

- Так вот. Тогда тебе принесли корзину с цветами и пирогами.

- Что-то такое припоминаю...

- Ладно, хватит, Хитричка, игр в загадки-отгадки. Корзина была от Красной Шапочки! И ты, между прочим, тогда пообещал рассказать нам историю про знакомство с ней! - сказала Шишечка.

- А! Так бы сразу и сказали! Это я могу, это я с удовольствием! - улыбнулся Обормотик и сел поудобнее.

Сразу же воцарилась тишина, и все стали смотреть на волчонка.

- Значит, так. Дело было этой весной. Гуляю я себе по лесу, мечтаю, и тут вдруг эта...

- Красная Шапочка? - хором спросили все.

- Нет, не она. Я увидел...

- Огромное чудовище? - испуганно прижал уши Трусишка.

- Да нет же! Никаких чудовищ я не видел! Увидел я чудную, замечательную...

- Поляну с малиной, - не то спросил, не то сказал, Топтышка.
- Нет! Нет! Нет! Хватит меня перебивать!!! Либо вы слушаете, либо я ухожу! - обиженно прорычал Обормотик. У него всё чаще, когда злился, вырывалось именно рычание.
- Нет-нет! Не уходи! Мы больше не будем перебивать! Нам это очень интересно! - залопотала Добрючка.
- Да! Очень интересно! - загомонили все.
- Ладно. Так вот, увидел я красивую бабочку. Она так порхала, так парила в воздухе, что я пошёл вслед за ней, сам того не замечая. И вот иду я, иду и... бац, провалился!
Трусишка закрыл ушами глаза и спрятался за Тыгыдычком.
- Эй, Трусишка! Ты чего? Испугался что ли? - поинтересовался волчонок.
- Я?.. я?.. - пробормотал зайчонок, стуча зубами.
- Ты, ты! - передразнил его Обормотик.
- Я - ничего, а ты продолжай, пожалуйста, - всё ещё трясясь, промолвил Трусишка.
- Ладно. Так вот, провалился я в огромную глубокую яму. Попытался из неё вылезти - не получается. Тогда я решил звать на помощь, ведь был день. «Помогите! - закричал я. - Помогите! Я провалился в яму! Эй, слышит меня кто-нибудь?!» Но, видно, никто меня не слышал.
- И что дальше? - робко поинтересовалась тучка.
- А ничего! Сижу я час, сижу два... Есть очень захотелось. И вдруг слышу, кто-то недалеко идёт и приговаривает:

«Этот грибочек возьму,
А этот - трогать не буду.
Маме грибов принесу,
Этот лес я вовек не забуду».

Тогда я решил ещё раз позвать на помощь. - Я здесь! Я провалился в яму!»

- Ой, кажется кто-то в беде! - встревожился голос.
- Я здесь! В яме! Помогите мне, пожалуйста! - взмолился я.
А шаги уже были рядом. Поднял я вверх голову, а там - ОНА. Стоит на коленях, а руками упирается в землю.
- Кто здесь? - спросила она шёпотом.
- Я!
- Кто я?
- Я - это волчонок. Меня зовут Обормотик.
- Подожди немного, сейчас я тебе помогу.
- Жду, - ответил я. - Куда же я отсюда денусь?
Она где-то нашла длинную палку и спустила мне в яму.
- Карабкайся по ней и сможешь вылезти! - предложила она.
- А ты уверена, что она меня выдержит? - засомневался я.

- Конечно! Попробуй!

- Ладно! Попытка – не пытка, – подумал я и вскарабкался вверх.

Когда я выбрался и отряхнулся, то смог рассмотреть её лучше. У девочки были большие карие глаза, длинные ресницы и очень длинная коса цвета спелой пшеницы. На ней – красное платье и шапочка. Я чуть слышно произнёс:

- Ты ведь – Красная Шапочка?!

Она молча кивнула мне.

- А я – серый волк. Вернее, волчонок. Так что же тогда получается, я должен тебя съесть?

Она засмеялась и ответила:

- Если не хочешь – не ешь. Я не против.

- Хочешь, честно скажу?

- Хочу, – ответила она, улыбаясь.

- Я совсем не хочу тебя есть. Ну ни капельки!

- Отлично! Тогда приятно было познакомиться, я побежала домой. А то мама, наверное, уже волнуется.

- Давай, провожу тебя, – неуверенно предложил я.

- Давай, – весело согласилась Шапочка.

- И что было дальше? – тихо спросил бычок.

- Что-что? Подружились мы!

- А когда ты видел её в последний раз? – поинтересовалась Добрючка.

- Вчера! – бодро ответил Обормотик.

- Вот это да! А она красивее, чем её описывают в сказке? – спросил Топтышка.

- Намного! Если бы вы её видели, то согласились бы со мной! И знаете, что самое интересное?

- Что? – выдохнули все.

- Её имя! Я имею в виду то, как девочку зовут на самом деле!

- И как? – поинтересовалась Хитричка.

- Очень просто, Настасья. Но мне она разрешила называть себя просто Настя. Ведь прозвище Красная Шапочка она получила из-за шапки, в которой всегда ходит!

- Надо же! Никогда бы не подумала, – задумчиво произнесла Шишечка.

- Ой, ребята! Кажется, мы с вами заговорились! Смотрите, солнышко-Лапочка скоро зайдёт за горизонт! – сказала Добрючка.

- Да! Побежали скорее домой, пока мамы не начали переживать! – согласилась Хитричка. – А то опять накажут!

По дороге тучка-Добрючка спросила волчонка:

- Обормотик! А ты познакомишь нас с ней?

- Конечно же! Даю слово!

- Ура! – закричали все и на радостях побежали ещё быстрее.

Хороший человек никогда не бросит другого в беде. Иногда после помощи они становятся друзьями. Помощь в беде – настоящий

дружеский поступок! Потому и существует поговорка: «Друг познаётся в беде!»

САМОСВАЛ

Татьяна Шатских

Кирпичи вожу на стройку,
И китов - на китомойку,
Кукол - в гости к тётке Ире,
Легковушку - на буксире.
Пульт сестрёнка хочет взять,
Чтоб машиной управлять -
Не девчачье это дело!
Лучше бы грузить умела!

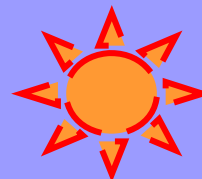

ПОИСКИ ГРАФСКИХ СОКРОВИЦ

Михаил Смирнов-Салаватский

Начало в номере 31

Глава 14

Подгоняя Сергея, Славик постоянно оглядывался, прислушивался, что происходило в том месте, где они были, старался уловить малейший шум, но кроме шороха листвы и птичьего пения, ничего не доносилось. Вскоре Сергей начал задыхаться от бега, быстро теряя силы. Пошатываясь, замедляя с каждым шагом скорость, он с трудом перепрыгивал через поваленные деревья, продираясь сквозь кустарник, не обращая уже внимания на сломанные им ветви. В очередном прыжке, зацепившись за торчавшую корягу, он с размаху рухнул на землю и лежал, не двигаясь.

Споткнувшись о Сергея, Славик сделал несколько неуклюжих прыжков, стараясь сохранить равновесие, но не удержавшись на ногах, упал неподалёку в траву.

- Ты, графин с голубой кровью! - прохрипел Славик, с трудом поднимаясь с земли. - Нашёл себе опочивальню. Поднимайся и продолжай бежать. Слышишь меня?

Сергей молча покачал головой и оставался лежать на траве.

- Хочешь, чтобы я тебя на горбу тащил? - пошатываясь от усталости, подошёл к нему Славик. - Не дождёшься, отпрыск! Корягу в руки возьму, так мигом до речки долетишь. Я не собираюсь с тобой нянчиться. Понял? Подъём!

Хрипло дыша, Сергей лежал, вцепившись в корневище.

- Не побегу больше. Всё! Пусть убивают, расстреливают, а я не поднимусь.

- Соскочишь, как миленький, когда бандиты появятся. Жить-то каждому хоцца! - ехидно произнёс Славик. - А тебе, тем более. Ты же у нас - княжеского роду-племени. Несметными богатствами владеешь. Дедулька-то намекнул, что тебе всё достанется. Поделишься? Ух, заживём!

- Обойдёшься, холоп, - продолжая лежать, еле проговорил Сергей. - дворником или швейцаром по старой дружбе пристрою.

- Ух, ты, ух, ты! - Славик опешил от его наглости, не зная, что ответить.

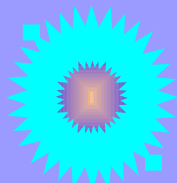
- Чучело огородное! Вошь на теле пролетариата... Куркулёнок... Подъём! Щас ты за свои слова станешь олимпийским чемпионом!

Схватив Сергея за шиворот, Славик одним рывком поднял его с земли, вlepил подзатыльник и, подталкивая в спину, заставил опять бежать.

- Сколько ещё осталось до речки? - спросил на бегу Славик.

- Ку... кусты проскочим, - он показал на густой ивняк. - И - речка.

Раздвигая ветки, Сергей пробирался первым, не дожидаясь Славика, который постоянно приостанавливался, стараясь услышать шум погони. Но в этот момент, впереди затрещали ветви, раздался испуганный визгливый голос Сергея, донесся глухой удар, и наступила тишина.

Не поняв, что случилось, Славик понёсся по следам, не обращая внимания, как по лицу больно хлещут гибкие ивовые ветви. Перепрыгнул через замшелое бревно и, ломая кустарник, резко затормозил на краю небольшого обрыва. Непроизвольно взмахивая руками, старался удержаться, но почувствовал, что может упасть, оттолкнулся и прыгнул, едва не приземлившись на Сергея, который ворочался, стараясь подняться на каменистом берегу.

- Ну, неуклюжий! Стоит, как конёк-горбунёк, только седла не хватает. Чуть на спину не уселся, - начал ругаться Славик. - Жаль, что промахнулся. Мигом бы до лодок доскакали.

- Уйди с глаз моих, холоп! - огрызнулся Сергей. - Пить, пить хочу!

Не поднимаясь, он на карачках добрался до реки и, окунув лицо, долго не мог напиться. Отфыркиваясь, тряс головой и снова припадал к воде.

Рядом с ним и Славик, упёршись руками в каменистое дно, пил звучными глотками прохладную воду. Затем поднялся, зашёл поглубже и окунулся несколько раз с головой прямо в одежде.

- Серый, - стоя на мелководье, сказал Славик. - Пошли к лодкам. Нас тут, как на ладони, видно.

Поскальзываясь на камнях, покрытых тиной, они добрались по воде до старых, деревянных плоскодонок, брошенных на берегу хозяевами. Выбрав одну из них, подпертую с одной стороны, залезли под нее и, поднатужившись, выбили колышки, на которых держалась лодка. Она упала, накрыв их.

- И долго мы будем так лежать? - спросил Сергей в полумраке, освещаемом лучами солнца, пробивающимися через щели разошедшихся боков плоскодонки.

- Саня сказал тебе, что пока не услышишь голоса сельчан - лежи и не трепыхайся, а то слышно, как в твоём животе вода бултыхается. Ты, как верблюд, теперь недели две можешь не пить, - тихо засмеялся Славик.

- Ага, скажешь... Когда я пил, показалось, будто кого-то проглотил.

- Лягушку, - фыркнул Славик. - Схрумкал на обед. Лишь бы не заквакала. Серёга, а правда, что они вкусные?

- Не успел распробовать, - ответил друг и тоже рассмеялся, уткнувшись в ладони.

Уставшие, они перебрасывались словами всё реже и реже и наконец затихли, заснув.

- Нашли место, где стадо пасти, - спросонья пробормотал Славик, услышав неподалёку от лодки громкие хлопки, похожие на звуки кнута и хотел повернуться на другой бок, как следом услышал несколько автоматных очередей.

Вздрогнув от неожиданности, Славик окончательно проснулся и, затаив дыхание, прислушивался к доносившимся снаружи звукам. Приподнялся и увидел в узкую щёлку между досками, как в их сторону бежали два человека. Они изредка останавливались и стреляли из ружей по группе людей, их преследовавших.

Не глядя, Славик ткнул локтем спавшего Сергея.

- Ну, что тебе ещё надо? - громко заворчал друг. - Я и так не...

- Молчи! - прошептал Славик, зажимая тому рот. - Слушай...

Не шевелясь, они лежали, стараясь разобраться, что происходит снаружи.

Доносились редкие одиночные выстрелы и короткие очереди из автомата. Затем послышался приближающийся топот и знакомые голоса бандитов.

- Графин, замри, - еле слышно прошептал Славик. - Найдут нас - убьют. Понял?

Не надеясь, что Сергей выдержит, плотно зажал ему рот и навалился сверху, не давая тому шевельнуться.

И вовремя...

Рядом раздался хруст щебня, прогрохотали над головой шаги. До ребят долетел звук упавших рядом с лодкой тел и голоса.

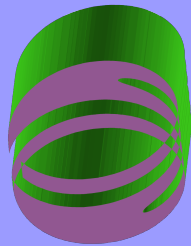
- У-у-у, зацепили! - донесся стон Седого. - Хрип, помоги перевязать рану, иначе мы не прорвемся. Обложили нас со всех сторон, как волчью стаю.

Раздался треск разрываемой материи, болезненные возгласы и нервный голос Хрипа:

Всё, брат лихой, отбежался. Бедро прострелили. Кровянку не могу остановить.

- Сильнее перетягивай, Хрип! Пора отсюда линять. Главное - через речку проскочить, а в горах они уже нас не найдут. Живее!

- Бегут, гончие... Щас я их...

Над головами ребят раздались два оглушительных выстрела. Сергей задёргался, замычал, стараясь освободиться, но Славик, ещё крепче зажав ему рот, уткнул друга лицом в землю, заставляя замолчать.

- Шустрее, Седой, - крикнул Хрип. - Держись за меня. Попробуем пробиться. Если не получится, то не обессудь...

- Ты чего это надумал, подельничек? Я же тебя...

- Ничего, - оборвал его хриплый. - Сваливаем, пока гончие не поднялись!

Захрустел щебень, ребята услышали стоны, ругань Седого, удаляющиеся шаги и шум воды.

Прошло несколько секунд - вновь донеслись короткие очереди и быстрый звук перебежек, приближающийся к лодкам.

Лёжа под плоскодонкой, друзья слышали, как мимо пробежало несколько человек, и чей-то незнакомый голос прокричал:

- Брать живыми! Заворачивайте их в сторону пещеры, где наши засели. Остальным подойти ко мне.

Раздались грузные шаги, и кто-то уселся на лодку.

Ребята продолжали лежать, боясь пошевелиться.

- Так, бойцы, - услышался тот же голос. - Одну задачу, можно сказать, решили. Осталась основная: надо разыскать пропавших ребят. Если они ушли в подземелье, то...

~ ~ * ~ ~ * ~ ~

Сергей, как уж, закутился под Славиком, освобождаясь и срывающимся голосом, прошептал:

Мама пришла будить Юрку. Он ещё попытался закутаться в сонное тепло, но понял, что пощады не будет: мать держала одеяло за край и ждала, когда мальчик встанет.

– Мам, я встаю... мам, ну ещё минуточку!

– Юрка, опять опоздаешь, Геннадий Ильич будет ругаться, и ты выговор получишь!

– Я успею, сейчас встану!

– А ну марш умываться, я кому говорю?

Мальчик нехотя слез с кровати и в шлёпанцах на босу ногу поплёлся умываться. Холодная вода обжигала щёки и отгоняла остатки уютного сна, в котором не было войны, папка был дома, утро пахло яичницей и на столе всегда был свежий хлеб с маслом.

С тех пор, как отца призвали в армию, всё изменилось. В свои неполные четырнадцать лет Юрка остался за старшего. Младшие дети спали дольше. В эту минуту мальчик их ненавидел, проклинал свою судьбу и войну, отнявшую у него детство.

За окном стояло серое туманное утро, моросил мелкий дождик. Юрка вздохнул и включил радио. Передавали последние сводки с фронта. Мать сняла закипевший чайник с плиты и налила в гранёный стакан желтоватую жидкость, называвшуюся чаем. На столе стояла тарелка дымящейся картошки и лежало несколько кусочков зачерствевшего чёрного хлеба.

Мать вытащила из большой банки кусок сахара, протянула сыну и спрятала остальное на верхнюю полку.

– От греха подальше, – приговаривала она во время ежедневного утреннего ритуала. – Ешь давай скорее! Вон Мишка уже заходил за тобой, ждёт у подъезда.

– Угу, – невнятно ответил сын с набитым ртом.

– Ой, что же это я, совсем плохая стала! Нам же тётка Лида сальца дала. Погодь-ка отрежу тебе, – мать достала белую тряпицу откуда-то снизу, развернула и ловко отпилила ровный кусочек розового сала с корочкой и коричневыми прожилками.

Юрка положил сало на хлеб и понюхал. Аромат закружил голову. Вкусно! Ради такого можно и встать пораньше! Он заработал челюстями, тщательно пережёвывая деликатес и запивая остывшим чаем. Сахар он сунул в карман, как, бывало, раньше поступал с конфетами. Мать обняла худенькие плечики подростка, запустила руки в его тёмную волнистую шевелюру, поцеловала в маковку и сказала:

– Иди, сынок, помни, что ты папе и всей Советской армии помогаешь бить фашистов!

– Хорошо, мам, я помню! – Юрка на ходу натянул кепку и лёгкую курточку.

Оглянулся: мать стояла в дверях, вытирая краешком передника уголки глаз. Другой рукой она помахала сыну; тот помахал в ответ и скатился

с последнего лестничного пролёта по перилам. Бледная, осунувшаяся женщина улыбнулась сквозь слёзы и прошептала: «От озорник!» Она закрыла дверь и не увидела, как встретились мальчики. Прежде чем побежать в сторону пристани, они попинали мяч, погоняли голубей, покидали монеты. И только когда вышла Барсениха – злая тётка с нижнего этажа, запрещающая детям шуметь под своими окнами, Юрка с Мишкой оставили детские забавы и побежали на работу.

Как и следовало предположить, хотя дети обычно не склонны к таким размышлениям – мальчики опоздали. «Пчёлка» – так назывался катер, перевозивший людей через Волгу – шумела мотором метрах в ста от берега. А пацанам все нипочём! Они засунули сахар за щёки и сели на деревянный помост, болтая ногами, в ожидании следующего рейса.

Вслед за «Пчёлкой» отправлялась баржа. Ее транспортировал маленький грузовой катер. На барже перевозили машины, станки и прочий технических хлам. Ну ещё и опоздавших пассажиров.

На этот раз мальчишкам повезло. Погода разгулялась, и даже выглянуло солнце. Река, настоящая баржа, солнце и водное путешествие – что ещё нужно мальчишкам для счастья?

Они бегали по барже, используя остовы станков и капоты машин, как прикрытие для игры в войну. Издавали стреляющие, гудящие, воющие звуки и всегда выходили победителями. И тут послышался посторонний звук.

Мальчики замерли, соображая, что же происходит.

Кто-то с катера крикнул:

– Ложись!

Самолётный гул придавил страхом, большая чёрная тень закрыла солнце, и сразу всё померкло.

– Немцы! – крикнул Мишка и брякнулся на грязный сырой пол баржи. Юрка упал рядом и повернул лицо к небу.

– «Юнкерсы-88»... Уууу, гады! – прогудел Юрка и помахал кулаком.

Самолеты кружили над мостом с узкоколейкой – стратегической трассой. Началась бомбёжка. Противоположный причал находился вблизи моста. На катере засуетились фигуры: видно капитан пытался изменить курс. Мальчишки с тревогой смотрели то на катер, то на немецкие самолёты.

– Перелёт... Недолёт... Перелёт... Недолёт... – цедил сквозь зубы Юрка, всем своим сердцем желая смерти фашистам.

Мишка считал самолёты:

– Раз, два, три... восемь!

И вдруг громадная волна накрыла баржу, и за борт полетели разные вещи. Юрка не успел зацепиться за колесо. Его сносило к краю борта. Руки соскользнули, не успев схватить конец каната, и парнишка полетел в клубящуюся пучину. Бомба разорвалась совсем рядом. Катер

ходил ходуном, того и гляди перевернётся. Баржу всё ещё раскачивало, и волны перекачивали через её «брюхо». Мишка, изо всех сил цепляясь за колесо машины, орал:

– Юрка! Юрка! Где ты?

Юрке сильно повезло. Его отбросило в сторону от баржи, там он смог выплыть из воронки и ещё какое-то время оставался на плаву, пока спасательный катер не подобрал мальчика в холодной воде.

Юрка долго не мог согреться. Сидел, завернутый в одеяла и стучал зубами. Его оставили у дежурного по пристани, поручили напоить горячим чаем и просушить одежду. Потом сторож проводил подростка до трамвайной остановки.

Мальчик ехал домой и размышлял о необычайном приключении. Было обидно, что именно его смыла волна, а Мишка оказался сильнее. Но в то же время Юрка был счастлив, что «юнkersы» так и не смогли разбомбить мост, а значит, не зря он пострадал.

Он погладил бумагу с гербовой печатью, которую ему дали на пристани. «Теперь даже Геннадий Ильич не будет ругаться! – совсем по-мальчишески радовался он, что у него есть уважительная причина отсутствия на трудовом занятии. И тут же улыбка сползла с его лица, – Лишь бы мама не плакала!»

Трамвай сделал круг. Юрка спрыгнул на ходу, помахал рукой водителю и вприпрыжку помчался домой.

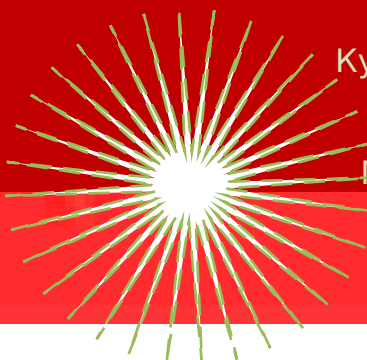
ВЕСНА В ПРАВА СВОИ ВСТУПИЛА

Евгения Покидова или Татьяна Полякович

Весна в права свои вступила –
Весь двор водою затопило.
Наш кот с опаской до ворот
По кочкам тающим идёт.
Как будто в капитанской рубке,
Трезор сидит в собачьей будке,
И громко с тополиной кроны
Кричат шумливые вороны.
А голосистые синицы
К ручью слетаются напиться.
У кромки быстрого ручья

Ругает мама воробья –
Купаться глупенький не хочет –
Бойтся крылышки намочит.
Ручей с оттаюю водой
Мальчишкам кажется рекой.

56

Рисунок Куанышкилиева Жаслана, 11 лет - «У вечного огня»

